

Сонъ въ Иванову ночь.

I.

"Трудно говорить серьезно о такой пьесѣ, какъ "Сонъ въ Иванову ночь", — замѣтилъ Георгъ Брандесъ, посвятившій, однако, въ своемъ трудѣ о Шекспирѣ около десяти страницъ ея разбору, причѣмъ повторяетъ въ нѣсколько догматичной формѣ положенія объ ея происхожденіи и значеніи, которыя по меньшей мѣрѣ не провѣрены и не могутъ считаться доказанными. Остроумныя, а порой блестящія критическія замѣчанія знаменитаго датскаго критика, къ сожалѣнію, далеко не рѣшаютъ вопросовъ, довольно существеннаго характера, надъ которыми, вотъ уже почти два вѣка, весьма серьезно задумывались изслѣдователи Шекспира, и все же не пришли къ окончательному проясненію той загадочной пелены, которою словно окутано одно изъ самыхъ поэтичныхъ, если не самыхъ серьезныхъ произведеній великаго англійскаго драматурга. Затрудненіе представляется намъ не столько въ серьезности отношенія къ анализу пьесы, а прежде всего въ томъ, чтобы разобратъся во множествѣ разнорѣчивыхъ толкованій, которыя были предложены въ объясненіе пьесы и, не разрѣшая многихъ недоумѣній, которыя она вызываетъ (начиная съ ея заглавія, см. ниже), скорѣе способствуютъ распространенію ошибочныхъ взглядовъ. Совершенно правильно замѣтилъ Гоуардъ Фэрнесъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему, образцовому изданію Шекспира (т. X, 1895)², что никто не довольствуется признаніемъ того, что намъ достовѣрно извѣстно о Шекспирѣ: "именно то, чего мы не знаемъ, наполняетъ томы нашихъ комментаріевъ (our volumes)". Конечно, о томъ, что извѣстно — нечего было бы и писать; неизвѣстность заманчива, но догадки не всегда могутъ считаться положительными приобрѣтеніями. Постараемся отметить лишь степень большей или меньшей вѣроятности тѣхъ гипотезъ, которыя были высказаны по поводу "Сна въ Иванову ночь", тщательно выдѣляя достовѣрное отъ сомнительнаго.

² Horace Howard Furness, A New variorum edition of Shakespeare. Въ этомъ изданіи собранъ богатый матерьялъ комментаріевъ къ Шекспиру. Въ послѣдующемъ изложеніи тѣ ссылки, которыя не оговорены особо, съ указаніемъ источника, относятся къ десятому тому изданія Фурнесса.

ванныхъ мнѣній по данному вопросу въ настоящее время представилъ Сидней Ли въ слѣдующей страницѣ, которую мы приводимъ цѣликомъ, по новѣйшему изданію его труда о Шекспирѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, съ поправками и дополненіями лейпцигскаго проф. Р. Вюлькера³: "Сонъ въ Иванову ночь" *вѣроятно*, возникъ зимой 1595 года. *Вѣроятно* пьеса была написана для свадебнаго торжества, *быть-можетъ* по случаю брака, всеобщей покровительницы поэтовъ, Люціи Гарингтонъ, съ Эдуардомъ Русселлемъ, третьимъ графомъ Бедфорскимъ, брака, состоявшагося 12 дек. 1594 г.; или же по случаю свадьбы Вильяма Стэнлея, графа Дерби, 24 января 1594 – 5 г. въ Гринвичѣ. Поэтъ, обозначивъ съ изысканной лестью королеву – "чистою весталкой, царствующей на Западѣ (д. II, сц. 1)", отблагодарилъ Елизавету за милостивое расположеніе, которое она ему выказывала, и надѣялся заручиться и впредь ея покровительствомъ. Фантастическое описаніе Оберона (д. II, сц. 2) того мѣста, откуда онъ увидѣлъ, гдѣ растетъ цвѣтокъ, прозванный "Любовью въ праздности", за которымъ онъ посылаетъ Пука, *вѣроятно* написано Шекспиромъ въ воспоминаніе празднествъ, устроенныхъ графомъ Лейстеромъ королевѣ Елизаветѣ въ 1575 г., при ея посѣщеніи Кенильворта. Вся пьеса написана въ легкомъ изящномъ тонѣ комедіи. Сюжетъ *могъ быть* заимствованъ изъ разныхъ источниковъ: у Чаусера въ его "Разказѣ рыцаря"; у Плутарха въ біографіи Тезея; изъ метаморфозъ Овидія (кн. IV); изъ старофранцузскаго романа о "Гюонѣ Бордосскомъ", въ которомъ приведена исторія Оберона, романа, переведеннаго на англійскій языкъ лордомъ Бернерсомъ и впервые изданномъ въ 1534 г. Вліяніе Джона Ли (J. Lee) сказывается въ шуточныхъ рѣчахъ, которыми обмѣниваются смертные люди и бессмертные духи. Внесеніемъ юмористическаго представленія "Пирама и Тисби" въ исполненіи простыхъ людей, эллинскихъ рабочихъ "съ мозолистыми руками", Шекспиръ развиваетъ тему, которую онъ уже пользовался при написаніи "Бесплодныхъ усилій любви". Но заключеніе, данное въ "Снѣ въ Иванову ночь", совершенно новое, и можно замѣтить по поводу этой пьесы, что Шекспиръ впервые открылъ новую область искусства, надѣливъ фантастическія существа могучей драматической жизнью, чему еще не было примѣровъ въ литературѣ".

Нельзя не отмѣтить, какъ много оговорокъ въ приведенной цитатѣ, какъ каждое положеніе въ ней смягчено осторожными – "вѣроятно", "можетъ быть", которыя мы отмѣтили курсивомъ. Дѣло въ томъ, что достовѣрнаго объ "Снѣ въ Иванову ночь" имѣется лишь фактъ перваго изданія пьесы в 1600

³ William Shakespeares, Sein Leben und seine Werke von Sidney Lee, – durchgesehen und eingeleitet von professor Dr. Rich. Wülker, Leipzig. 1901.

г.⁴ и извѣстіе Мэра (Meere), упоминающаго о существованіи пьесы Шекспира подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1595 г. Стало быть, мы знаемъ только, что пьеса написана не позже этого года. Попытки болѣе точнаго приуроченія "Сна" къ опредѣленной датѣ раньше 1598 г. основаны на догадкахъ, такъ сказать, внутренняго порядка, на сближеніи отдѣльныхъ стиховъ въ драмѣ Шекспира съ произведеніями другихъ современныхъ поэтовъ⁵, на опредѣленіи вѣроятнаго отношенія "Сна въ Иванову ночь" къ поэмамъ Эдмунда Спенсера – "Королева фей" (The Faerie Queen) и Джона Лили (John Lyly) "Эндиміонъ", наконецъ на соображеніяхъ эстетико-психологическаго характера по указанію мѣста, занимаемаго

490

настоящей драмой въ ряду другихъ произведеній Шекспира. Она переходный типъ отъ комедіи къ драмѣ, представляется уже настоящей "драмой" по яркому изображенію психическихъ аффектовъ, но съ недостаточно цѣльно обрисованными характерами и искусственно созданными ситуаціями. Въ стихѣ пьесы усматривается еще нѣкоторая неувѣренность; есть небрежности; пьеса всего удобнѣе приурочивается къ переходному моменту отъ юности къ возмужалому возрасту поэта, быть можетъ, къ началу второго періода его творческой дѣятельности, когда ему уже было за тридцать лѣтъ.

Что могло побудить Шекспира взяться за сюжетъ фантастической сказки, приуроченной къ описанію предстоящаго брака "афинскаго герцога Тезея" съ побѣжденной имъ царицей амазонокъ Ипполитой? Имена Тезея и Ипполиты несомнѣнно взяты или непосредственно у Плутарха, или изъ "Кентерберійскихъ сказокъ" Чаусера (разница въ написаніи имени: Ipolita у

⁴ Объ отношеніи этого editio princeps къ двумъ послѣдующимъ (второе безъ означ. года, третье 1623 г.) см. статьи Крауза: Die drei ältesten Drücke des Sommernachtstraum, въ Jahrb. der deutsch. Shakesp. Gesellschaft, XXI Jhg, 1886 г.

⁵ Тексты собраны J. O. Halliweli'емъ въ его изданіи: «Illustration of the fairy mythology of Shakespeare». Напечатано англійск. шекспировскимъ обществомъ, въ 1845 – 1853 г.г. съ приложеніемъ статьи Гальпина (Rev. N. J. Halpin) – «Oberon's vision», о которой рѣчь ниже.

Въ числѣ предложенныхъ намековъ въ пьесѣ на современныя Шекспиру обстоятельства общественной жизни указанъ стихъ:

«Скорбь трижды трехъ прекрасныхъ музъ о смерти,
Постигнувшей науку въ нищетѣ».

Это заглавіе одного изъ произведеній, предложенныхъ Тезею на выборъ Филостратомъ, въ списокъ приготовленныхъ развлеченій ко дню свадьбы. Тезей замѣчаетъ:

«Тутъ тонкая и старая сагира:

На брачномъ торжествѣ ей мѣста нѣтъ!»

Приведенное заглавіе принимаютъ какъ намекъ на стихотвореніе Спенсера: «Слезы музъ», написанное около 1591 года. По другому объясненію (Knight'a), оно скорѣе относится къ смерти Роберта Грина, поэта, скончавшагося въ 1592 г. въ большой бѣдности, почти въ нищетѣ. Наконецъ, Флей (Fleay) замѣтилъ, что данное мѣсто въ равной степени можетъ быть примѣнено и къ Спенсеру и къ Грину, или къ обоимъ вмѣстѣ. (Сводъ мнѣній см. у Фернесса, О. с.).

Чаусера, Нурроліта у Шекспіра): вь первой изъ нихъ, – "разсказъ рыцаря", – рѣчь идетъ какъ разъ о свадьбѣ "герцога аѳинскаго Тезея" съ царицей амазонокъ Ипполитой, но дальнѣйшее содержаніе разсказа Чаусера, отвѣчающее извѣстной новеллѣ Боккачіо о томъ, какъ два друга, Палемонъ и Аркитъ, влюбились оба вь одну и ту же дѣвушку, не имѣеть прямого отношенія къ драмѣ Шекспіра. Заимствованной представляется лишь основная ситуація: т. е. пріуроченіе происшествія къ моменту возвращенія Тезея на родину вмѣстѣ съ Ипполитой. Но у Чаусера – Ипполита уже считается женой Тезея. У Шекспіра ихъ свадьба должна вскорѣ состояться:

Четыре дня счастливые пройдутъ
И приведутъ съ собою новый мѣсяць.

Это обстоятельство, что Шекспиръ отодвинулъ срокъ свадьбы Тезея и Ипполиты, ввелъ двѣ другія пары жениховъ и невѣстъ, сдѣлалъ завязкой пьесы – ожиданіе наступленія брачной церемоніи, наконецъ, общимъ содержаніемъ ея избралъ любовные перипетіи вь полу-шутливой, фантастической формѣ, закончивъ благополучнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ недоразумѣній, – и служить главнымъ основаніемъ предположенія, что настоящая пьеса есть не болѣе, какъ предсвадебное развлеченіе, такъ назыв. "маска", одно изъ увеселеній, которое должно было войти вь программу празднествъ, устраиваемыхъ по случаю бракосочетанія какого нибудь знатнаго вельможи, изъ числа вліятельныхъ друзей и покровителей Шекспіра. Когда предположеніе это возникло – оставалось лишь найти подходящее лицо, для котораго Шекспиръ "могъ" написать свою пьесу. Такими лицами "могли" быть вышеназванные – Эдуардъ Руссель или Вильямъ Стэнлей; но могъ быть имъ и кто-нибудь другой, третій, четвертый, о которомъ мы не имѣемъ достаточно свѣдѣній. – Однако, уже Ульрици высказалъ нелишенное остроумія, хотя, какъ увидимъ ниже, на нашъ взглядъ, неосновательное, возраженіе противъ опредѣленія настоящей пьесы Шекспіра, какъ спеціально свадебнаго развлеченія, вь связи съ существовавшимъ вь ту пору обычаемъ давать "маски", "интерлюдіи", "интермедіи" и т. п. театральныя представленія по случаю вступленія вь бракъ знатнаго лица. "Станный и, по сущности, довольно дерзкій поступокъ, – говоритъ Ульрици, – поднести вь видѣ свадебнаго подарка своему патрону пьесу, гдѣ любовь представлена на смѣхъ, скорѣе съ комической, чѣмъ съ нравственной и серьезной стороны, любовь вь ея слабости и неустойчивости, какъ простая игра воображенія, при чемъ даже празднованіе свадьбы Тезея носить смѣшной характеръ вь силу тѣхъ условій, при которыхъ она происходитъ. Было бы большою безтактностью во всякомъ случаѣ переносить на общественную сцену пьесу, написанную по такому поводу, до или послѣ заключенія брака вельможи (вь чью честь она была составлена)". Впечатлѣнія, очевидно, могутъ расходиться, но къ вопросу объ умѣстности "Сна вь Иванову ночь" вь пріуроченіи ко дню свадьбы мы ниже вернемся, при ея оцѣнкѣ по существу. Пока

ограничиваемся выводомъ, что опредѣленіе пьесы, какъ свадебной "маски", весьма мало способствуетъ установленію точной даты ея происхожденія.

Сидней Ли оставилъ безъ оговорки лишь указанье на то, что рѣчь Оберона по поводу цвѣтка, обладающаго чудодѣйственнымъ свойствомъ возбуждать внезапную любовь къ первому лицу, которое попадетъ на встрѣчу, послѣ того какъ сокомъ этого цвѣтка натереть глаза, — есть воспоминаніе, въ поэтическомъ образѣ, о празднествахъ, — которыхъ свидѣтелемъ вѣроятно былъ Шекспиръ въ молодые годы, — празднествахъ, устроенныхъ въ Кенильвортѣ графомъ Лейстеромъ, мечтавшимъ стать мужемъ Елизаветы. Но королева, "царст-

491

вующая на Западѣ", осталась цѣломудренной весталкой: "стрѣла Купидона, пущенная въ нее, была отклонена лучомъ дѣвственной луны; она упала на "маленькій западный цвѣточекъ", который "зардѣлся отъ любовной раны", и изъ молочно-бѣлаго цвѣтка превратился въ алый цвѣтъ, названный "любовью отъ бездѣля".

Толкованіе разсказа Оберона въ смыслѣ аллегоріи на королеву Елизавету и ея отношенія къ Лейстеру, при чемъ "зардѣвшійся цветокъ" долженъ обозначить возлюбленную Лейстера, графиню Эссексъ⁶, мужъ которой былъ убитъ въ то время, когда стала извѣстной связь его жены съ Лейстеромъ, это толкованіе принадлежитъ Гальпину, статья котораго въ свое время произвела большую сенсацию между шекспирологами⁷. Тонкій анализъ Гальпина даннаго мѣста въ пьесѣ, представляющагося дѣйствительно загадочнымъ по двойному смыслу, который чувствуется въ передачѣ подробностей происхожденія волшебнаго цвѣтка, его сопоставленіе нѣкоторыхъ деталей (морская дѣва, плывшая на спинѣ дельфина и очаровавшая море своимъ пѣніемъ) съ дошедшими до насъ описаніями упомянутыхъ празднествъ — Гайскойна и Ланегама, представлялись дѣйствительно весьма убѣдительными, какъ неожиданное проясненіе историческими аллюзіями непонятнаго вымысла: ему, казалось, подыскана была реальная почва. Однако, есть и возраженіе противъ такого объясненія. Празднества въ Кенильвортѣ состоялись въ 1575 году. Вѣроятно ли, чтобы Шекспиръ о нихъ вспоминалъ чрезъ двадцать лѣтъ, и прибѣгъ къ аллегоріи въ то время, когда она утратила свое живое значеніе и врядъ ли кому либо изъ современниковъ могла быть даже просто понятна? Намеки на Елизавету и Лейстера утратили всякое значеніе "актуальности". Но другого объясненія разсказу Оберона пока не найдено: весталка, царствующая на Западѣ" всетаки слишкомъ прозрачный намекъ на королеву Елизавету, чтобы можно было поступиться вполнѣ толкованіемъ Гальпина. Въ виду этого остается

⁶ Другое высказанное предположеніе, по которому въ аломъ цвѣткѣ усматривался намекъ на Марію Стюартъ, нынѣ оставлено по совершенной неубѣдительности.

⁷ Статья Гальпина выше указана.

или присоединиться къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что "Сонъ въ Иванову ночь" принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Шекспира, по крайней мѣрѣ задуманъ былъ имъ въ юношескую пору, быть можетъ въ редакціи, которая до насъ не дошла, и лишь вторично имъ обработанъ въ половинѣ 90-хъ годовъ XVI вѣка; или предположить, что аллегорія навѣяна не воспоминаніями о празднествахъ 1575 года, а какими-нибудь другими аналогичными празднествами въ позднѣйшую пору, о которыхъ до насъ не дошли описанія; или, наконецъ, счесть весь этотъ рассказъ Оберона чистымъ вымысломъ Шекспира, безъ опредѣленной реальной почвы въ происшествіяхъ современной жизни, кромѣ намека на королеву Елизавету въ образѣ весталки.

Перейдемъ теперь къ внутреннимъ даннымъ и отношеніямъ фантастическихъ существъ, которыя Шекспиръ ввелъ въ свою пьесу. Прежде всего представляется вопросъ о несоотвѣтствіи заглавія съ содержаніемъ: въ четвертомъ дѣйствіи Тезей, увидя заснувшихъ въ лѣсу Лизандра, Елену, Деметрію и Гермію, говоритъ: "они такъ рано встали, чтобъ *майскія обряды* совершить (to observe the righth of May), и дальше: "ночь Валентина уже прошла". Итакъ, день свадьбы Тезея и Ипполиты приуроченъ къ 1-му мая, а между тѣмъ пьеса получила названіе, которое относитъ насъ къ серединѣ лета (midsummernight), т. е. къ 24 июня, по обычному обозначенію Ивановой ночи именно какъ ночи "въ половинѣ лѣта". Какъ объяснить это несоотвѣтствіе заглавія и содержанія? По мнѣнію Малона, заглавіе дано въ зависимости не столько отъ времени дѣйствія въ пьесѣ, какъ отъ времени постановки ея въ видѣ развлеченія въ "лѣтнюю ночь". Быть можетъ заглавіе принадлежитъ не самому Шекспиру. Фэрнесь, цитируя возраженія Джонсона противъ заглавія, объясняетъ дѣло такъ, что въ самой пьесѣ усматривается нѣкоторая двойственность положенія: майскія празднества суть по преимуществу дневныя празднества; между тѣмъ, къ 24 июня относится большинство повѣрій о ночныхъ чудесахъ и въ это время справляются различные обряды именно ночью. Такимъ образомъ, свадебныя развлеченія Тезея, — охота, представленіе "интерлюдіи", — происходятъ днемъ, а чудесныя происшествія съ двумя влюбленными парами ночью: майскій день и лѣтняя ночь чередуются въ фантастической смѣнѣ сказочныхъ происшествій. Весною ночи слишкомъ коротки, и народныя повѣрья всѣхъ странъ приурочиваются именно къ темнымъ и уже болѣе

длиннымъ лѣтнимъ ночамъ, въ христіанскихъ странахъ — "подъ Ивана Купала". Шекспиръ дѣйствительно впалъ въ противорѣчіе, но ставитъ ли ему въ укоръ сбивчивую хронологію, когда сюжетъ данъ чисто сказочный? Перевѣсъ вниманія несомнѣнно въ пользу "ночи", а не дня свадьбы Тезея: поэтому Шекспиръ обозначилъ свою пьесу "Сонъ въ Иванову ночь", согласно

ея дѣйствительному содержанию, а не внѣшней рамкѣ дѣйствія, приуроченнаго къ послѣднимъ днямъ апрѣля и заканчивающагося 1-го мая. Быть можетъ, умѣстно напомнить однако, что какъ бы смутный прообразъ "Сна въ Иванову ночь" Шекспира мы имѣемъ въ одной старо-французской комедіи XIII вѣка трузэра Адама де Ла Галь, дошедшей до насъ подъ своеобразнымъ заглавіемъ "Игра подѣ кущей" ("Jeu de la Fenille" или просто Jeu Adam). Въ этомъ произведеніи, о происхожденіи и источникахъ котораго мы ничего не знаемъ, кромѣ самаго факта представленія этой пьесы въ Аррасѣ, въ 1262 г., усматривается такое же характерное сочетаніе реалистическихъ сценъ и видѣній въ ночное время. Содержаніе иное; оно заимствовано изъ современной автору жизни, облечено въ автобіографическую форму; при чемъ поэтъ выставляетъ на сцену самого себя и свои семейныя отношенія, въ грубой формѣ высмѣиваетъ сосѣдей и собственную жену, даетъ яркую бытовую сцену шумной ярмарки, на которой выступаютъ шарлатанъ-предсказатель и монахъ, продавецъ мощей; затѣмъ, съ наступленія ночи, появляются феи на сцену (Ариль, Моргъ и Глоріада); проѣзжаетъ Фортуна на колесѣ, однихъ изъ бѣдности возвеличивая и вознося ихъ въ одинъ день на верхъ благополучія, другихъ съ высоты низвергая внизъ. Комедія заканчивается опять таки реально-бытовой сценой въ кабацѣ, гдѣ расторговавшійся было своими святынями монахъ оказывается въ свою очередь ограбленнымъ. Обычное объясненіе заглавія – "Игры подѣ кущей" то, что оно приурочено къ майскимъ народно-обрядовымъ празднествамъ, когда, именно привѣтствуя наступленіе весны, устраивали зеленые шалаши, подѣ которыми какъ бы находили пріютъ и фантастическія олицетворенія силы природы въ "майскую ночь". Мы припомнимъ объ этомъ отдаленномъ прообразѣ "Сна въ Иванову ночь", въ отвѣтъ на замѣчанія, что ночная фантастика умѣстна лишь въ серединѣ іюня: Шекспиръ съ полнымъ правомъ могъ выдержать, да и на самомъ дѣлѣ и выдерживаетъ, единство времени, ибо въ пьесѣ нетъ ни одного указанія, чтобы ночныя сцены происходили непременно въ іюнь. Высказанныя по этому поводу замѣчанія (Тика, а за нимъ Зимрока), будто нѣкоторыя растенія и цвѣты только въ іюнь достигаютъ надлежащей волшебной силы, не существенны, ибо волшебный цвѣтокъ Оберона не есть обязательно цвѣтъ папоротника или какого нибудь лѣтняго растенія; точно также появленіе "душистаго горошка" рядомъ "съ горчичнымъ зерномъ" не есть показатель различнаго времени произрастанія того или другого: передѣ нами простыя олицетворенія по прихоти поэта. Итакъ, названіе Midsummernight, на нашъ взглядъ, случайное, безъ отношенія къ содержанию пьесы, и, конечно, правильнѣе было бы обозначать ее либо просто – "весенней сказкой", – или съ маленькой натяжкой – "майской ночью", т. е. передѣ наступленіемъ перваго мая. Не настаиваемъ на вопросѣ, съ точностью ли проходятъ четыре дня и столько же ночей, о которыхъ говорятъ Тезей и Ипполита въ самомъ началѣ драмы; – или удобнѣе было бы сосредоточить всѣ эти видѣнія въ одну ночь: во "снѣ" времени, конечно, не измѣряютъ, но если Шекспиръ

вспомнилъ, что весеннія ночи коротки, и предпочелъ представить сновидѣніе въ болѣе продолжительный срокъ, то длительность времени ему была нужна для большаго правдоподобія въ изображеніи психическихъ аффектовъ, быстрыхъ по первому импульсу, тѣмъ не менѣе требующихъ нѣкотораго времени для своего рельефнаго проявленія.

Сидней Ли, какъ мы видѣли, вмѣняетъ въ особую заслугу Шекспиру, что въ данномъ произведеніи онъ впервые надѣлилъ фантастическія существа реальной жизнью. Вдохновлялся ли при этомъ Шекспир непосредственно народными преданіями и повѣртіями? Имя Оберона, короля Эльфовъ, заимствовано во всякомъ случаѣ изъ французскаго источника, вѣроятно изъ романа о "Гюонѣ Бордосскомъ"; Титанія, жена Оберона и королева эльфовъ, — отзвукъ классическаго преданія, при чемъ вѣроятно, что имя заимствовано изъ метаморфозъ Овидія или изъ поэмы Спенсера, гдѣ это древнеклассическое наименованіе королевы эльфовъ уже встрѣчается.

Въ романѣ о Гюонѣ Бордосскомъ⁸ — Оберонъ тоже, такъ сказать, приобщенъ къ

493

циклу античныхъ традицій: онъ называетъ своимъ отцомъ Юлія Цезаря; мать его — фея Моргъ. Приуроченіе къ Юлію Цезарю есть, конечно, выдумка французскаго трувера, воспользовавшагося народнымъ повѣріемъ о карликахъ-эльфахъ, сторожащихъ подземные клады, и пожелавшаго придать большую опредѣленность фантастическому существу. По своему происхожденію преданіе объ эльфахъ (древненѣмецк. Alben или Elben) есть исконное-германское, при чемъ и имя Оберона этимологически восходитъ къ германской формѣ, соотвѣтствіе которой находятъ въ имени Альбериха, или Эльбериха, но съ инымъ романскимъ окончаніемъ и романскимъ переходомъ звуковъ въ началѣ слова.⁹ Альберихъ извѣстенъ намъ по старонѣмецкой поэмѣ объ Ортнитѣ, но, кромѣ созвучія имени и общаго представленія о "королѣ Эльфовъ", между этими двумя произведеніями — французскимъ и нѣмецкимъ, — нѣтъ никакой связи. Почему и какъ французскій труверъ — авторъ — "Гюона Бордосскаго" воспользовался германскимъ миѳомъ — до сихъ поръ не вполне выяснено, но во всякомъ случаѣ, придавъ своеобразную генеалогію Оберону, онъ сдѣлалъ изъ него оригинальную фигуру, сочетаніе античной традиціи съ средневѣковымъ романтизмомъ. При рожденіи Оберона, такъ же какъ въ сказкѣ о Золушкѣ, присутствуютъ разныя феи, при чемъ одна изъ нихъ обрекла его на

⁸ Объ этомъ романѣ см. статью г. Гастона Париса, въ "Poemes et legendes du Moyen-âge, изд. Societé d'edition artistique, 1900. Paris.

⁹ Другая, раньше предложенная этимологія имени Оберона отъ alba (aube: заря), нынѣ оставлена, какъ маловѣроятная, и напрасно выдается Брандесомъ, какъ вполне установленная.

маленькій ростъ — всего три фута, — но тутъ же, раскаявшись въ своемъ дурномъ пожеланіи, постаралась надѣлать его другимъ преимуществомъ — необыкновенной красотой. И несмотря на свой маленькій ростъ Оберонъ столь прекрасенъ, что "краше солнца въ лѣтнее время" (*Car plus est bians que solans en este*). Другія феи надѣляютъ Оберона разными волшебными свойствами, при чемъ одна изъ нихъ даже — способностью слышать пѣніе ангеловъ въ раю; и мѣсто Оберону, оказывающемуся христіаниномъ, уготовлено на томъ свѣтѣ наилучшее, и ему самому предоставлено рѣшить, когда онъ захочетъ покинуть землю и переселиться въ рай. Пока царство Оберона находится на дальномъ Востоку, по сосѣдству съ "Вавилоніей", въ заколдованномъ лѣсу. У Шекспира мѣсто дѣйствія въ лѣсу близъ Аѳинъ, хотя Оберонъ и прилетаетъ "изъ дальнихъ странъ индійскихъ". Оберонъ уже не мальчикъ — "*qui n'a de grant que trois pies mesurés*"; мало того — онъ даже женатъ и вообще въ разработкѣ сюжета усматриваются существенныя отличія. Объясняется это отчасти тѣмъ, что между старо-французской поэмой и произведеніемъ Шекспира были промежуточныя обработки сюжета, который еще во Франціи былъ приспособленъ къ сценѣ: въ 1557 году представлена была "Мистерія о Гюонѣ Бордоскомъ", которая, повидимому, была вскорѣ передѣлана по-англійски, при чемъ эта пьеса, гдѣ долженъ былъ выступать и Оберонъ, представлена была въ 1593 г. труппой Шекспира. Вѣроятно, эта утраченная пьеса, и послужила канвой драмѣ Шекспира, который съ другой стороны вдохновился поэмой Спенсера и кое-что заимствовалъ у Лилли. У Спенсера Оберонъ упомянутъ вскользь, но Титанія, повидимому, собственное созданіе Спенсера. Не настаивая на много разъ дѣлаемыхъ сопоставленіяхъ отдѣльныхъ мѣстъ у Шекспира съ произведеніями его предшественниковъ и современниковъ, ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ по поводу нѣсколькихъ загадочнаго эпизода объ индійскомъ мальчикѣ, къ которому Титанія такъ привязалась, что не хочетъ отдать его Оберону, для его свиты, изъ-за него и возникла распря между супругами. Почему этотъ мальчикъ играетъ такую роль? Повидимому, данный эпизодъ стоитъ въ связи съ повѣріемъ о томъ, что эльфы похищаютъ дѣтей у живыхъ людей, замѣняя ихъ демоническими существами. Отсюда то значеніе, которое и Оберонъ и Титанія придаютъ мальчику, рожденному отъ смертной женщины, для своей свиты. Правда, народное повѣріе представляется въ значительно измѣненномъ видѣ: Титанія говоритъ, что мать "индійскаго мальчика" была ея любимой жрицей; за тѣмъ оказывается, что она "летала надъ землей, какъ по волнамъ", но въ то же время все таки — "смертная была моя подруга и умерла, доставивъ сыну жизнь". Далѣе, къ спору о мальчикѣ примѣшивается мотивъ ревности уже на почвѣ супружеской вѣрности между Оберономъ и Титаніей; "индійскій ребенокъ" (индійскій потому, что, какъ указано, настоящее царство Оберона на Востоку) остается лишь показнымъ предлогомъ размолвки супруговъ. Вообще, если и есть въ пьесѣ Шекспира элементы народныхъ вѣрованій и представленій, то они въ значительной мѣрѣ за-

слонены литературными обработками этих преданий, предшествовавшими появлению в свет драмы Шекспира. Только образ пуга Робина-Гудь-Феллоу, фантастической личности, популярной и в народных английских балладах, наиболее непосредственный отголосок национального фольклора; в остальном книжные источники — розысканные или вероятные — берут перевес над непосредственным воспроизведением народных повестей. И Шекспиру принадлежит честь не столько изобретения, как обработки заимствованных из разных мест данных.

Каковы бы ни были составные элементы драмы Шекспира, мы вправе судить о ней самостоятельно, как о цельном художественном произведении, подлежащем оценке, так сказать, по существу. Но именно цельности на первый взгляд пьеса лишена; можно объяснить условиями времени смешение древне-классических воспоминаний и современных Шекспиру национальных повестей, обычаев и даже реально бытовых типов: афинские мастеровые во времена Тезея не разыгрывали интермедий в роду "Пирама и Фисби", и Буравь, Пигва, Основа, Флейта суть типичные английские рабочие XVI века. Тезей выражается, как современный Шекспиру английский лорд. Но особенно резко контраст между античной обстановкой жизни, классическим именем Титании и германороманским Обероном, вполне английским по замыслу и воплощению, игривым и не лишенным лукавства "домашним" духом пересмешником — пугом Робинотом (ибо пук — нарицательное имя¹⁰, чего не следует упускать из виду). В целом пьеса Шекспира, с точки зрения обстановки действия, может быть названа, если не по форме, то по содержанию "лжеклассическим" произведением: она, правда, отвечает принципам творчества, которых придерживались в XVI веке поборники ново-европейского искусства, "романтики" по позднейшей терминологии, в возникшей именно в эпоху Возрождения борьбе двух школ, но наша терминология не отвечает действительному характеру спора "классиков" и "романтиков" XVI века, как выразился между прочим и Мезьерь, причисляя Шекспира к поборникам романтизма.¹¹ Тогдашние "романтики", отстаивая новые виды и роды литературы, в то же время возводили в принцип именно те историко-психологические анахронизмы, в которые безсознательно впадали средневековые авторы; их принцип, по отношению к изображению древнеклассического мира, нам представляется по существу именно лжеклассическим. Так, автор одного трактата по теории поэзии (специально о форме эпических поэм — *Romanzi*), итальянец Джамбаттиста Джиральди Чинтио, писавший в половине XVI в., развивая положение Аристотеля о различии между историей

¹⁰ По английски пук (puck) — домовый, кобольдъ.

¹¹ Alfred Mezières, Shakespeare, гл. I.

и поезіей, приходитъ къ выводу, что поэты, хотя бы избирали античные сюжеты, "ищутъ то, что отвѣчало бы нравамъ новѣйшаго времени, внося въ свое произведеніе понятія, не соотвѣтствующія древней эпохѣ, но согласныя съ современными имъ воззрѣніями". Противъ такого направленія въ искусствѣ, въ защиту соблюденія исторической правды, реагировали неоклассики, нами нынѣ переименованные въ "псевдо-классики",¹² тогда какъ по сущности они представлялись сторонниками вполне вѣрнаго принципа. Отстаивая внутреннюю правду художественнаго произведенія, они, въ то же время, однако, суживали область искусства въ формальномъ отношеніи, предлагая вернуться къ образцамъ древне-классическихъ родовъ и видовъ поэзіи. Шекспиръ не былъ сторонникомъ теоріи Филиппа Сиднея, который именно въ концѣ XVI вѣка выступилъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ классицизма въ Англіи. Но, разрабатывая національныя формы поэзіи, онъ усвоилъ и приемы творчества, о которыхъ писалъ Джиральди: античный сюжетъ Шекспиръ представилъ намъ "въ согласіи съ понятіями вѣка", не въ исторической перспективѣ дѣйствія, а въ окраскѣ именно «своего вѣка» (*Cose dissimili a'tempi antichi e convenvole loro — т. е. a'tempi moderni*). Это теоретическое заблужденіе объясняетъ намъ, такъ сказать, неорганичность фантастической драмы Шекспира, смѣшеніе разнородныхъ элементовъ; однако, уменьшаются ли отъ этого поэтическія достоинства произведенія? Классическій элементъ вноситъ нѣкоторую опредѣленность, большую ясность въ расплывчатые и часто смутные

495

образы германской народной миѳологіи. Оберонъ и Титанія стали дѣйствительно живыми образами, надѣленными людскими свойствами; воплощеніями, въ которыхъ процессъ антропоморфизма, столь послѣдовательно завершившійся въ античной миѳологіи, придаетъ больше рельефа ихъ характеристикамъ, чѣмъ въ отрывочныхъ и смутныхъ народныхъ германскихъ повѣртіяхъ объ олицетворенныхъ силахъ природы. Даже неугомный, постоянный "скиталецъ" пукъ Робинъ, поставленный въ служебную зависимость отъ Оберона, приобретаетъ большую опредѣленность въ своихъ функціяхъ исполнителя порученій короля эльфовъ, и въ то же время шутника и проказника, такъ сказать, за свой счетъ. Въ концѣ концовъ, если германскій міръ эльфовъ въ пьесѣ Шекспира изъ античной жизни является замѣстителемъ древнеклассическихъ нимфъ и дріадъ, то врядъ ли умѣстно настаивать на такой точной локализациі созданій воображенія, чтобы не допускать ихъ свободнаго перемѣщенія изъ страны въ страну, въ часы таинственныхъ видѣній ночи. Шекспиръ во

¹² Недавно С. А. Венгеровъ (въ V т. изданія соч. Бѣлинскаго) установилъ, что этотъ терминъ впервые пущенъ былъ у насъ въ оборотъ именно Бѣлинскимъ, при чемъ комментаторъ вполне правильно оспариваетъ научное значеніе чисто-полемическаго эпитета, созданнаго Бѣлинскимъ.

всякомъ случаѣ приблизилъ своихъ эльфовъ къ характеру древнеклассическихъ мифовъ, придавъ имъ человѣческія черты, ясность и опредѣленность живыхъ существъ. И тѣмъ не менѣе, конечно, это не вполне живые люди. Шекспиръ воспользовался именно лишь вымышленными созданіями для того, чтобы довести до крайности свой тезис, выраженный имъ устами Тезея (д. V, сц. I):

Влюбленные, равно какъ и безумцы,
Имѣютъ всѣ такой кипучій мозгъ,
Столь странныя фантазіи, что часто
Имъ кажется за истину такое,
Чего никакъ смыслъ здравый не пойметъ.

Признавъ влюбленность — "игрой воображенія" ("Безумный и влюбленный и поэтъ — составлены всѣ изъ воображенія"), прихотью случая, дѣйствіемъ силы, независимой отъ нашей воли, Шекспиръ въ каррикатурномъ видѣ представилъ это состояніе лишь на примѣрѣ Титаніи, влюбляющейся въ человѣка съ ослиной головой, подъ вліяніемъ волшебнаго цвѣтка, которымъ Оберонъ натеръ ей глаза. Принято считать этотъ тезисъ Шекспира и вообще всю пьесу "Сонъ въ Иванову ночь" проникнутыми очень пессимистическимъ, чтобы не сказать отрицательнымъ взглядомъ на любовь. Однако, тезисъ самъ по себѣ былъ, конечно, весьма не новымъ. Объ "ослѣпленіи любовью" трактовалъ уже Лукрецій (*De rerum natura*, кн. IV, ст. 1142 слл.), указывая, до какой степени обманываются тѣ, которые поддаются данному душевному настроенію. Позже Мольеръ перефразировалъ указанное мѣсто у Лукреція, вложивъ въ уста Эліанты, въ "Мизантропъ" (д. II сц. 4), слѣдующій монолог¹³:

Кто любитъ, склоненъ тотъ хвалить свое избранье
И въ немъ порочнаго не видитъ ничего;
Въ предметъ страсти все прекрасно для него —
Пороки кажутся въ немъ благомъ очевиднымъ,
Ихъ именемъ спѣшитъ назвать онъ безобиднымъ:
Онъ блѣдную какъ смерть — *жасминомъ* назоветъ,
И страшно черная — *смугляночкой* слыветъ,
Свободна и гибка — коль очень худощава,
А слишкомъ толстая — *осанкой величава*;
Неряха грязная, невзрачная собой —
Тотчасъ же прослыветъ *небрежной красотой*,
Коль ростомъ велика — *богини воплощенье*,
А карлица — *чудесь небесныхъ сокращенье*.
Коль дура — то добра, лукавая — умна,
Спесивая — носитъ корону рождена,
Пріятный нравъ найдутъ у слишкомъ говорливой,
Нѣмую прозовутъ *невинностью стыдливой*:

¹³ Цитируемъ по переводу Л. Поливанова.

Такъ всякій, если кѣмъ до страсти увлечень,
Въ пороки самые окажется влюблень.

Не та же ли основная мысль проводится и Шекспиромъ? Но онъ идетъ дальше и, признавая ошибочность суждений влюбленныхъ о предметѣ своей страсти, подчеркиваетъ произвольность самого увлеченія, которое онъ ставитъ въ зависимость отъ чудодѣйственной силы. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ стоитъ на почвѣ вполнѣ національной, германо-романской концепціи: не въ той же ли Англіи родина знаменитаго въ средневѣковой литературѣ сюжета

496

о Тристанѣ и Изольдѣ, хотя и ставшаго намъ впервые извѣстнымъ во французской обработкѣ? И чѣмъ по существу разнится роковой напитокъ, отвѣдавъ котораго Тристанъ и Изольда, въ силу волшебства, должны были полюбить другъ друга, отъ алаго цвѣтка, который приноситъ пукъ Робинъ, по приказанію Оберона? Развѣ не простая случайность, съ точки зрѣнія такого представленія о роковомъ, отъ нашей воли независящемъ источникѣ любовнаго аффекта, — что Тристанъ и Изольда были оба молоды, прекрасны собой, надѣлены всевозможными положительными качествами, и только по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ не должны были смотрѣть другъ на друга какъ на жениха и невѣсту? Получилась поэма незаконной, даже преступной любви, но красивая, привлекательная, потому что прекрасны были оба очарованные. Возможна и обратная сторона медали, которую и показалъ Шекспиръ: Титанія, по пробужденіи отъ сна, обреченная полюбить перваго, кого увидитъ, встрѣтила не Тристана, а Основу, вдобавокъ съ ослиной головой. Но все таки это судьба, вліяніе роковой силы. Дѣлать ли отсюда выводъ, что Шекспиръ дѣйствительно относился отрицательно къ любовному аффекту, что онъ представилъ карриатуру для того лишь, чтобы рельефнѣе оттънить безрассудство состоянія влюбленности? Несомнѣнно нѣсколько пессимистическая нотка проглядываетъ въ этомъ произведеніи, однако, не безъ другой, положительной точки зрѣнія. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить перипетіи четырехъ любовниковъ. Лизандръ любитъ Гермію и любимъ ею, какъ раньше Деметрій любилъ Елену, расположивъ ее къ себѣ. Но внезапная прихоть отклонила Деметрію отъ предмета его первоначальной страсти и заставила выступить соперникомъ Лизандра въ исканіи руки Герміи. Елена покинута и несчастна, но она не теряетъ надежды мольбой и просьбами вернуть къ себѣ сердце Деметрія. Тщетная надежда и ошибочный пріемъ снискать расположеніе любимаго человѣка. Своими приставаніями Елена только надоѣдаетъ Деметрію и еще больше отталкиваетъ отъ себя. Какъ же ей въ концѣ концовъ удалось опять привлечь любовника? Совсѣмъ инымъ и неожиданнымъ способомъ, а именно — самопожертвованіемъ. Да, на нашъ взглядъ, вся сказанная обстановка

дѣйствія только красивый вымыселъ, который нисколько не заслоняетъ рѣшеніе проблемы объ измѣнчивости и прихотливости чувствъ на чисто психологической почвѣ. Припомнимъ конецъ перваго дѣйствія: Елена пришла къ заключенію, что не даромъ "крылатый Купидонъ представленъ намъ слѣпымъ и безразсуднымъ"; любовь — прихоть и въ такомъ смыслѣ подвержена всевозможнымъ случайностямъ; такъ Деметрій, измѣнивъ ей, влюбился въ Гермію; такъ въ послѣдствіи Титанія, по волѣ Оберона, влюбилась в Основу. Однако, есть въ любви нѣчто, способное возвысить ее надъ прихотью чувствъ и придать ей устойчивость. Пусть Деметрій увлекается красотой Герміи (*dotting on Hermias eyes*), — Елена любитъ въ немъ его достоинства (*admiring of his qualities*), и это придаетъ болѣе серьезный характеръ ея чувствамъ къ Деметрію. Теперь она рѣшается пожертвовать собой: услышавъ, что Гермія и Лизандръ уговариваются на слѣдующую ночь бѣжать и встрѣтиться въ лѣсу, за Аѳинами, Елена спѣшитъ сообщить объ ихъ предполагаемомъ побѣгѣ Деметрію; пусть его "спасибо" за эту услугу будетъ ей единственной наградой, и, хотя бы пришлось потомъ ей съ нимъ разстаться на вѣки, оно будетъ ей дорогимъ, прощальнымъ подаркомъ (*if I have thanks it is a deere expence*). И этотъ подвигъ Елены долженъ быть со временемъ оцѣненъ ея вѣроломнымъ любовникомъ; насколько она отваживала его отъ себя своими приставаніями, настолько побѣдила вновь — безкорыстіемъ чувствъ. Что нужды, что внѣшняя развязка пьесы обусловлена волшебствомъ, за нимъ чувствуется реальная психологическая почва: если на Лизандра нашла внезапная прихоть къ Еленѣ, подъ вліяніемъ цвѣтка, которымъ по ошибкѣ Пукъ натеръ ему глаза, то вѣдь такая же прихоть напала раньше на Деметрія безъ всякаго участія волшебной силы. Несущественность такихъ увлеченій Шекспиръ пояснилъ на примерѣ Лизандра, какъ бы въ назиданіе Деметрію. И вотъ протрезвленный Деметрій возвращается къ своей Еленѣ, которая вновь стала ему мила, когда перестала домогаться его любви; мастерской, по истинѣ гениальный анализъ душевныхъ движеній Шекспира служитъ такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, не къ посрамленію "ребенка Амора" (*the boy Love*), который, какъ обыкновенно дѣти, склоненъ къ капризамъ, а напротивъ, къ возвеличенію чувства, на нравственной основѣ. И въ общемъ выводѣ, допуская, что пьеса Шекспира была свадебной "маской", мы отнюдь не раздѣляемъ сомнѣній и недоумѣній Уль-

497

рици, удивлявшагося выбору сюжета для даннаго случая: онъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ, и истинный смыслъ пьесы раскрывается намъ, если вникнуть въ ея суть, а не во внѣшнюю фабулу, какъ бы ни выдѣлялся кричащей нотой горькаго скептицизма эпизодъ съ Титаніей.

Какъ по отношенію влюбленности, такъ и къ поэзіи — воображеніе обоюдоострое оружіе, но оно не подлежитъ безусловному осужденію. Сцена

мастеровыхъ, разыгрывающихъ интермедію о Пирамѣ и Эсби, представляетъ обратный случай по сравненію съ исторіей Титаніи и Основы, и поэтому стоитъ въ интимной, органической связи съ сюжетомъ драмы. Въ самомъ дѣлѣ, если Титанія "воображеніемъ" облагораживала несчастный предметъ своей страсти, то, какъ личность, она представляется живымъ контрастомъ Основѣ: это воплощенное изящество, красота и грація, которыя стремятся поднять до себя воплощеніе грубости и глупости. Обратно этому мы видимъ изящную и поэтическую легенду о Пирамѣ и Эсби, приниженную и искаженную въ уровень съ ограниченнымъ кругозоромъ грубыхъ и необразованныхъ людей, которые безсознательно впадаютъ въ пародію, оставаясь вполнѣ серьезными въ своихъ намѣреніяхъ. Воображеніе покрываетъ ихъ невольный самообманъ и поддерживаетъ въ нихъ иллюзіи относительно собственныхъ талантовъ, какъ у Титаніи относительно мнимыхъ достоинствъ Основы. Не кроется ли въ этой пародіи на драматическое представленіе какого нибудь личнаго предубежденія автора противъ "грубой черни", которую онъ выводилъ на смѣхъ, какъ вполѣдствіи заклеилъ ее презрѣніемъ въ Каллибанѣ? Наврядъ, хотя, конечно, въ общемъ Шекспиръ отнюдь не можетъ быть подверженъ упреку въ излишнемъ пристрастіи къ толпѣ. Но въ данномъ случаѣ нельзя не усмотрѣть нѣкоторой аналогіи отзыва Тезея, по поводу игры исполнителей интермедіи, съ замечаніемъ Гамлета по поводу искренняго одушевленія актера, прочитавшаго монологъ. Знаменитое выраженіе: — "что ему Гекуба, что онъ Гекубѣ?" устанавливаетъ силу воображенія, благодаря которому актеръ могъ прочувствовать свой монологъ въ такой степени, что голосъ его дрожалъ и слезы показались на глазахъ. А главное, что, усвоивъ данную вымышленную ситуацію, актеръ такъ близко принялъ ее къ сердцу, что говорилъ искренне, точно отъ своего лица. Бѣдные мастерские-любители очень далеки отъ такого искусства перваго актера въ "Гамлетѣ", которое произвело впечатлѣніе даже на Полонія. Однако, Тезей предупреждаетъ насмѣшки по поводу ихъ исполненія замечаніемъ Ипполитѣ:

Коль бѣдное стараніе безсильно,
То чистое усердіе выкупаетъ
Невольный неуспѣхъ.

Тезей напоминаетъ, что иное молчаніе, происходящее отъ искренняго смущенія, отъ "пугливаго усердія" доставляетъ больше удовольственія, чѣмъ "дерзкое", т. е. напускное, краснорѣчіе находчиваго смѣльчака:

Признаюсь,
Что, по моимъ понятіямъ, любовь
При языкѣ простомъ чистосердечья
Всегда сильнѣе сердцу говорить.

Итакъ, неумѣлое искусство, какъ несчастная любовь, могутъ быть скрашены чистосердечіемъ. Конечно, отъ этого чистосердечья исполненіе пьесы мастерскими не становится лучшимъ, какъ чистосердечье Титаніи не

можетъ придать Основѣ достоинствъ, которыхъ онъ лишень. Но искренность усердья неумѣлыхъ служителей Мельпомены все же отклонила глумленіе надъ ними и вызвала у Тезея слова снисхожденья. И Оберонъ не глумится надъ Титаніей¹⁴: онъ поспѣшилъ снять съ нея чары, какъ только получилъ искомое, т. е. какъ только заставилъ Титанію отрѣшиться отъ ея прежняго пристрастія къ индійскому мальчику, служившему поводомъ ихъ ссоры. Одно только шутивное замѣчаніе Оберона послѣ пробужденія Титаніи: "Вотъ здѣсь лежитъ твой милый" — служить напомниманіемъ о томъ, что произошло. Но, какъ уже было замѣчено, не столько въ фантастическихъ дѣйствующихъ лицахъ "Сна", сколько у живыхъ людей пьесы Шекспира психологія этого великаго знатока человѣческаго сердца глубже и тоньше имъ соблюдена. Для исторіи его творчества, было бы не безъинтересно принять во вниманіе аналогію первой сцены — Эгея и Герміи передъ судомъ Тезея — съ появленіемъ Брабанціо и Отелло передъ совѣтомъ дожа въ "Отелло". Но дальнѣйшія соображенія по исторіи творчества Шекспира и по отношенію настоящей пьесы къ другимъ его произведеніямъ (особенно къ "Бурѣ", которая во многомъ является какъ бы

498

естественнымъ приростомъ къ "Сну въ Иванову ночь") отвлекли бы насъ слишкомъ въ сторону. Если Шекспира не разъ сравнивали по глубинѣ и ширинѣ его творческаго генія съ моремъ, то небольшой заливъ, образованный этимъ моремъ, обладаетъ многими свойствами стихіи, съ которой онъ остается въ органической связи. И въ заливъ вливаются тѣ же волны, хотя не столь грозныя и величавыя, какъ въ безбрежномъ просторѣ океана. Онѣ мельче дробятся, кажутся прозрачнѣе, выкатываясь на песчаный берегъ, но льются изъ той же глубины; и въ настоящемъ случаѣ Шекспиръ далъ намъ почувствовать эту глубину, подъ красивыми и фантастическими завитками прибрежной пѣны, глубину — въ томъ значеніи, которое онъ сумѣлъ придать безкорыстію въ любви и чистосердечной искренности чувства.

Ө. Батюшковъ.

499

Дѣйствующія лица:

¹⁴ Превращеніе Основы — продѣлка Пука.

Тезей, герцогъ аѳинскій.
 Егей, отецъ Гермiи.
 Лизандеръ } влюбленные въ Гермiю.
 Деметрiй }
 Филостратъ, завѣдывающiй увеселенiями при дворѣ Тезея.
 Пигва, плотникъ.
 Буравъ, столяръ.
 Основа, ткачъ.
 Флейта, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.
 Рыло, мѣдникъ.
 Выдра, портной.
 Ипполита, царица амазонокъ, невѣста Тезея.
 Гермiя, дочь Егея, влюбленная въ Лизандера.
 Елена, влюбленная въ Деметрiя.
 Оберонъ, царь эльфовъ.
 Титанiя, царица эльфовъ.
 Пукъ, или Робинъ, добрый духъ, эльфъ.
 Душистый горошекъ } эльфы.
 Паутинка }
 Моль }
 Горчичное зернышко }
 Пирамъ } лица интермедiи, разыгрываемой
 Эисби } аѳинскими мастеровыми.
 Стѣна }
 Лунный свѣтъ }
 Левъ }
 Эльфы, покорные Оберону и Титанiи.
 Придворные Тезея и Ипполиты.

Дѣйствiе происходитъ въ Аѳинахъ и въ окрестномъ лѣсу.

500

ДѢЙСТВIЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ Тезей, Ипполита, Филостратъ и придворные.

Тезей.

Теперь союзъ нашъ близокъ, Ипполита!
Четыре дня счастливые пройдутъ
И приведутъ съ собою новый мѣсяць.
Какъ тихо убываетъ старый мѣсяць!
Онъ медлитъ совершить мои желанья,
Какъ медлитъ мачиха или вдова
Наслѣдника несовершеннолѣтне
Провозгласить оконченнымъ, дабы
Не потерять наслѣдника доходовъ.

Ипполита.

Четыре дня въ ночахъ потонуть быстро,
И быстро въ снахъ пройдутъ четыре ночи;
Тогда луна серебряной дугою,
Вновь перегнувшись въ темныхъ небесахъ,
Освѣтитъ ночь торжественную нашу.

Тезей.

Мой Филостратъ, ступай и пригласи
Всѣхъ юношей аѳинскихъ забавляться.
Въ нихъ духъ живой веселья пробуди.
Для похоронъ пусть грусть они оставятъ:
На праздникъ нѣтъ мѣста блѣдной гостьѣ!
(Филостратъ уходитъ).

Я овладѣлъ тобою, Ипполита!
Моимъ мечомъ, враждой я приобрѣлъ
Твою любовь; но бракъ нашъ совершится
Средь пышности, торжествъ и наслажденій.

Входятъ Егей, Гермія, Лизандеръ и Деметрій.

Егей.

Будь счастливъ вѣкъ, нашъ герцогъ знаменитый!

Тезей.

Благодарю. Что новаго, Егей?

Егей.

Я съ жалобой на Гермію мою
Являюся, исполненный печали.
Приблизься ты, Деметрій. Добрый герцогъ,
Вотъ человѣкъ, которому я далъ
Согласіе на Герміи жениться.
Приблизься ты, Лизандеръ! Государь,

А этотъ вотъ околдовалъ ей сердце.
Лизандеръ, да, ты ей давалъ стихи,

Ты съ дочерью моею обмѣнялся
Залогами любви; ты подѣ окномъ ея
При мѣсячномъ сіяньи ей пѣвалъ
Притворно нѣжнымъ голосомъ слова,
Дышавшія притворною любовью;
Ты голову вскружилъ ей разнымъ вздоромъ:
Браслетами изъ собственныхъ волосъ,
Колечками, бездѣлками, сластями,
Игрушками, букетами, цвѣтами —
Посланниками тѣми, что всегда
Надъ юностью неопытной всеильны;
Ты хитростью у дочери моей
Похитилъ сердце — и повиновенье,
Которымъ мнѣ обязана она,
Ты измѣнилъ въ настойчивость, въ упрямство.
Мой государь, когда руки и слова
Она не дастъ Деметрію при насъ,
То я прошу васъ предоставить мнѣ
Старинное аѳинянина право,
Она моя, и я ея судьбою
Располагать могу. Пускай она
Здѣсь изберетъ Деметрія или смерть,
Которую при случаѣ подобномъ
Немедля произносить нашъ законъ.

Тезей.

Ну, Гермія, что скажешь? Разсуди:
Тебѣ отецъ твой богомъ долженъ быть.
Онъ красоты твоей творецъ, и для него
Ты то же, что фигура восковая,
Которая имъ вылита. Имѣетъ
Онъ право полное — и уничтожить,
И довершить созданіе свое.
Деметрій, вѣдь, достойный человѣкъ.

Гермія.

Не то же ль и Лизандеръ?

Тезей.

Точно;

Но такъ какъ онъ родителя согласья
На вашъ союзъ лишенъ, то ты должна
Предпочитать Деметрія.

Гермія.

О, если бь

Мои глаза отцу могла я дать,

Чтобъ онъ глядѣль, какъ я!

Тезей.

Скорѣй же ты
Должна глядѣть его благоразумьемъ.

Гермія.

Я васъ прошу: простите, государь!
Не знаю я, откуда эта смѣлость?
И, можетъ быть, я скромность оскорблю,
Что чувствую, высказывая здѣсь;
Но я молю сказать мнѣ ваша свѣтлость,
Что худшаго въ грядущемъ ждетъ меня,
Когда женой Демеріа не буду?

Тезей.

Отъ общества навѣки отлученье
Иль смерть тогда должна избрать ты.
Итакъ извѣдай, Гермія, себя;
Подумай, какъ ты молода, пылка;
Подумай и о томъ, что если ты
Откажешься отцу повиноваться,
То ты должна навѣкъ оставить свѣтъ
И навсегда безплодною остаться,
Чтобъ гимны пѣть къ безчувственной лунѣ.
Тѣ трижды счастливы, въ комъ столько силы,
Чтобъ, обуздавъ себя, свершить спокойно
Путь дѣвственный; но роза на землѣ
Счастливей, когда она цвететъ
И не таитъ свое благоуханье;
Счастливей, повѣрь мнѣ, розы той,
Которая на стеблѣ тихо вянетъ,
Растетъ, живетъ, и принимаетъ смерть —
И все одна, все въ одинокомъ счастьѣ.

Гермія.

Такъ я расти и жить, и умереть
Хочу одна, скорѣй чѣмъ соглашуся
Я дѣвственность мою отдать тому,
Чью власть душа всей силой отвергаетъ.

Тезей.

Подумай хорошенько; но когда
Настанетъ новолунье, — въ этотъ день
Соединюсь навѣкъ я съ Ипполитой —
Тогда и ты готова быть должна
Иль умереть за неповиновенье,
Иль сдѣлать то, что хочетъ твой отецъ,

Иль принести на алтарь Діаны
Святой обѣтъ провесть всю жизнь свою
И строгою, и одинокой дѣвой.

Д е м е т р і й .

О, согласись же, Гермія! Лизандеръ,
Ничтожныя претензіи свои
Ты долженъ уступить моимъ правамъ,
Столь неоспоримымъ.

Л и з а н д е р ь .

Любовь отца

Имѣешь ты, Деметрій, такъ оставь же
Мнѣ Гермію, а самъ — возьми его.

Е г е й .

О, дерзкій! Да, любовію моею

502

Владѣеть онъ — и все, что въ ней мое,
Моя любовь отдасть ему навѣки.
Она моя, и всѣ мои права
Надъ нею я Деметрію вручаю.

Л и з а н д е р ь .

Но, государь, не такъ же ли, какъ онъ
И я богатъ, и знаменитъ рожденьемъ?
Моя любовь сильнѣй его любви,
И въ обществѣ, въ малѣйшихъ отношеньяхъ,
Деметрію я равень; можетъ быть,
Деметрія я превышаю даже;
А сверхъ того, чѣмъ можетъ онъ хвалиться?
Я Герміей прекрасною любим:
Зачѣмъ же я права мои оставляю?
Деметрій... Да, я объявлю при немъ:
Онъ дочери Надара предложилъ
Свою любовь; съ тѣхъ поръ душой Елены
Онъ овладѣлъ, и добрая Елена
Ему вполнѣ, всемъ сердцемъ предана:
Боготворитъ невѣрнаго она.

Т е з е й .

Я признаюсь, дошли такіе жъ слухи
И до меня, и я намѣревался
Съ Деметріемъ объ этомъ говорить;
Но я забылъ: я самъ былъ озабочень.
Иди за мной, Деметрій, и Егей,
Иди за мной: мнѣ нужно вамъ обоимъ
Дать нѣсколько особыхъ наставленій.

Ты, Гермия прекрасная, готовься
Согласовать желанія свои
Съ желаніемъ родителя; иначе
Законъ Аѳинъ, который измѣнить
Не можемъ мы, произнесетъ свой судъ
И обречетъ тебя на заточенье
Или на смерть. Пойдемъ-же, Ипполита!
Что, милая, какъ чувствуешь себя?
Деметрій и Егей, за мной идите:
Я долженъ къ вашей помощи прибѣгнуть,
Чтобъ нужное все изготовить къ свадьбѣ.
Поговоримъ мы также кой-о-чемъ,
Что собственно касается до васъ.

Егей.

Мы слѣдуемъ по долгу и желанью.

(Тезей, Ипполита, Егей, Деметрій и свита уходятъ.)

Лизандеръ.

Ну, что съ тобой, другъ милый? Отчего
Ты такъ блѣдна, и помертвѣли розы
Твоихъ ланитъ?

Гермия.

Конечно, оттого,
Что нѣтъ дождя; но буря глазъ моихъ
Легко замѣнить этотъ недостатокъ.

Лизандеръ.

Мнѣ никогда не удалось прочесть
Иль услышать въ исторіи, въ разсказѣ,
Чтобъ гдѣ-нибудь путь истинной любви
Былъ совершенъ спокойно. Иногда
Онъ возмущенъ различіемъ рожденій...

Гермия.

Мученіе, когда высокій родомъ
Влюбляется в простую дѣву!

Лизандеръ.

Иногда
Различьемъ лѣтъ...

Гермия.

Какое наказанье,
Когда скуютъ со старостію юность!

Лизандеръ.

А иногда спокойствіе зависить

Отъ выбора родныхъ...

Гермія.

О, это адъ,
Когда должны мы выбирать не сами
Предметъ любви!

Лизандеръ.

А если выборъ ихъ
Съ влеченіемъ душъ любящихъ согласенъ,
Тогда война, болѣзни или смерть
Ихъ счастію ужъ вѣрно помѣшаютъ.
И такъ – любовь мгновенна, будто звукъ;
Кратка, какъ сонъ; какъ призракъ, преходяща;
Какъ молнія среди глубокой ночи,
Она быстра – блеснетъ и озаритъ
Предъ взорами и небеса, и землю,
Но прежде чѣмъ успѣетъ человѣкъ
Сказать "смотри!" – ужъ снова бездны мрака
Все поглотятъ. Такъ быстро на землѣ
Все свѣтлое въ хаосѣ исчезаетъ!

Гермія.

Но ежели для истинной любви
Страданіе всегда необходимо,
То, видно, ужъ таковъ законъ судьбы.
Научимся сносить его съ терпѣньемъ;
Страданія нельзя намъ избѣжать:
Оно принадлежитъ любви, какъ вздохи,
Мечты и сны, желанія и слезы,
Всегдашніе товарищи влюбленныхъ!

Лизандеръ.

Прекрасна эта вѣра; но теперь
Не то! Послушай: у меня есть тетка,
Богатая, бездѣтная вдова –

Она живетъ отсюда миляхъ въ трехъ –
И ею я любимъ, какъ сынъ родной.
Там, Гермія, мы можемъ обвѣнчаться,
Законъ Аѳинъ тамъ не настигнетъ насъ.
Когда меня ты любишь, завтра ночью
Тихонько домъ родительскій оставь,
И тамъ, въ лѣсу, который только въ милѣ
Отъ города, гдѣ встрѣтилъ я тебя
Съ Еленою однажды майскимъ утромъ,
Когда вы съ ней обряды совершали,

Я буду ждать.

Гермія.

О, добрый мой Лизандеръ,
Клянусь крѣпчайшимъ лукомъ Купидона
И лучшей, золотой его стрѣлой,
И кротостью Венериныхъ голубокъ!
Клянуся тѣмъ, что связываетъ души
И дѣлаетъ счастливою любовь!
Клянусь огнемъ, который жегъ Дидону,
Когда троянецъ лживый уплывалъ!
Клянусь тебѣ, Лизандеръ, всею тьмою
Мужчинами нарушенныхъ обѣтовъ,
Которые ужъ вѣрно превзойдутъ
Своимъ числомъ всѣ женскіе обѣты, —
Я буду тамъ, гдѣ ты назначилъ мнѣ!

Лизандеръ.

О, милый другъ, сдержи же обѣщанье!
Смотри, сюда Елена къ намъ идетъ.

Входитъ Елена.

Гермія.

Будь счастлива, прекрасная Елена!
Куда идешь?

Елена.

Прекрасная? Увы!

Возьми назадъ, возьми свое названье!
О, красоту твою Деметрій любитъ,
Счастливая! Да, для него горятъ
Твои глаза полярною звѣздою,
И голосъ твой пріятный для него
Пріятнѣе, чѣмъ жаворонка пѣнье
Для пастуха, когда кругомъ поля
Зеленою пшеницею покрыты,
А посреди боярышникъ въ цвѣту.
Прилипчивы болѣзни — для чего бы
И красотѣ прилипчивой не быть?
Пока я здѣсь, могла бъ я заразиться,
О, Гермія прекрасная, тобой!
Мой жадный слухъ запомнилъ бы твой голосъ,
Мои глаза усвоили бъ твой взоръ;
Мои слова прониклись бы, быть-можетъ,
Мелодіей твоихъ пріятныхъ словъ;
Когда бъ весь свѣтъ моимъ былъ достояньемъ,
Деметрія себѣ оставивъ, міръ

Я бь отдала, чтобь только быть тобою.
О, научи меня глядѣть, какъ ты!
Скажи, какимъ ты способомъ владѣешь
Демеріемъ и мыслями его?

Гермія.

Я хмурюся, а онъ меня все любитъ.

Елена.

О, если бь обаятельна была
Какъ хмуренье твое, моя улыбка.

Гермія.

Я съ нимъ бранюся, а онъ мнѣ говоритъ
Слова любви.

Елена.

Когда бь мои молитвы
Могли любовь въ немъ такъ же пробудить!

Гермія.

И чѣмъ сильнѣй его я ненавижу,
Тѣмъ онъ сильнѣй преслѣдуетъ меня.

Елена.

Меня же онъ тѣмъ больше ненавидитъ,
Чѣмъ болѣе я предаюся ему.

Гермія.

Въ его безумствѣ я не виновата.

Елена.

Нѣтъ, красота твоя виновна въ томъ.
О, если бь и моя такъ провинилась!

Гермія.

Утѣшься, онъ меня ужь не увидитъ:
Рѣшилась я съ Лизандеромъ бѣжать.
До той поры, пока я не видала
Лизандера, Аѳины были рай!
Теперь мой рай – увы! – преобразился
Въ жестокой адъ могуществомъ любви!

Лизандеръ.

Елена, мы откроемъ наши души
Передъ тобою. Завтра ночью мы,
Когда луна свой образъ серебристый
На лонѣ водъ зеркальныхъ отразитъ
И уберетъ всѣ травки влажнымъ перломъ,
Въ тотъ самый часъ, который укрываетъ
Въ своей тиши любовниковъ побѣгъ,

Рѣшились Аѳины мы оставить.

Гермія.

И въ томъ лѣсу, въ которомъ мы съ тобою
Такъ часто, отдыхая на цвѣтахъ,
Свои мечты другъ другу изливали,
Сойдуся я съ Лизандеромъ моимъ;
Тамъ отъ Аѳинъ мы взоры отвратимъ,
Чтобъ вновь друзей искать въ странѣ чужой.

504

Прощай, моя подруга; помолися
За насъ двоихъ. Пусть счастье вручить
Твоей любви Деметрія! Лизандеръ,
Не позабудь обѣщанное слово:
До завтрашней полуночи должны
Лишить себя мы сладкаго свиданья,
Которое – какъ пища для влюбленныхъ!

(Уходитъ).

Лизандеръ.

Я буду тамъ. Прощайте же, Елена.
Пускай Деметрій вамъ принадлежитъ,
Какъ вы ему теперь принадлежите.

(Уходитъ).

Елена.

Какъ счастье неровно въ этомъ мірѣ!
Красавицей такой же, какъ она,
Въ Аѳинахъ я слыву; но что въ томъ пользы?
Деметрій думаетъ не такъ: не хочетъ
Признать меня, чѣмъ признана я всѣми.
Но, кажется, мы оба въ заблужденьи –
Онъ въ Гермію влюбился до безумья,
А я въ его достоинства. Такъ что жъ?
Вѣдь, для любви все низкое, пустое
Въ достойное легко пересоздать:
Любовь душой, а не глазами смотреть.
И оттого крылатый Купидонъ
Представленъ намъ слѣпымъ и безразсуднымъ.
Быть с крыльями и быть лишеннымъ глазъ –
Поспѣшности немыслящей эмблема!
Любовь зовутъ ребенкомъ оттого,
Что въ выборѣ своемъ она нерѣдко
Обманута бываетъ, какъ дитя.
Видала я, какъ вѣтренныя дѣти
Среди игры другъ другу обѣщаній

Вдругъ надають и вдругъ измѣнять имъ.
Дитя-любовь, какъ и другія дѣти,
При случаѣ, готова взять назадъ
Всѣ данныя недавно обѣщанья.
Пока еще Деметрій не видалъ
Глазъ Герміи, онъ градомъ клятвъ мнѣ клялся,
Что онъ одной лишь мнѣ принадлежитъ;
Но этотъ градъ предъ Герміей растаялъ
И клятвеннымъ дождемъ на землю палъ.
Я Герміи побѣгъ ему открою:
Ужъ вѣрно въ ночь преслѣдовать ее
Онъ пустится, и если благодарность
Я отъ него за это получу,
То дорого досталась мнѣ она.
Да, тамъ его увидѣтъ и потомъ
Въ Аѳины вновь печально возвратиться —
Достаточно награды этой мнѣ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Аѳины. Внутренность хижины.

Входятъ Основа, Буравъ, Флейта, Рыло, Пигва и Выдра.

Пигва. Вся ли наша кампанія здѣсь?

Основа. Лучше бы вы перекликали насъ всѣхъ одного за другимъ по тому порядку, какъ мы записаны.

Пигва. Вотъ списокъ именъ всѣхъ тѣхъ людей, которые найдены способными и избраны изъ всѣхъ аѳинянъ, чтобы исполнить нашу интермедію предъ герцогомъ и герцогинею, вечеромъ послѣ свадьбы.

Основа. Во-первыхъ, любезный Питеръ Пигва, скажите намъ, въ чемъ состоитъ наша пьеса? Потомъ прочтите имена актеровъ. Приступайте къ дѣлу.

Пигва. Ладно! Наша пьеса: "Плачевная комедія и жесточайшая смерть Пирама и Эисби".

Основа. Славная штука! увѣряю васъ, превеселая! Теперь, любезный Питеръ Пигва, вызывайте впередъ вашихъ актеровъ, по списку. Господа, развернитесь въ линію.

Пигва. Отвѣчайте по вызову. Никъ Основа, ткачъ!

Основа. На лицо! Назначьте мою роль въ пьесѣ и продолжайте.

Пигва. Вы, Никъ Основа, возьмите на себя роль Пирама.

Основа. Что такое Пирамъ? любовникъ или тиранъ?

Пигва. Любовникъ, который преблагородно убиваетъ себя за свою возлюбленную.

Основа. Надо будетъ пролить нѣсколько слезъ, чтобъ исполнить роль, какъ следуетъ. Если я буду играть эту роль, то берегите ваши глаза, господа слушатели! Я подниму бурю и, нѣкоторымъ образомъ, стонъ! Ну, къ другимъ! Однако, я особенно превосходенъ въ роляхъ тирановъ; я бы отмѣнно сыгралъ роль Еркулеса или роль, въ которой бы пришлось бѣсноваться и все посылать къ чорту. (Декламируя.)

«Съ трепетомъ, съ трескомъ, утесы толкаясь,
«Тюрьмы уничтожать запоры!
«А Эибъ, въ колесницѣ своей приближаясь,
«Судьбы измѣнить приговоры!»

Вотъ истинно превосходно! Ну, назначайте остальныхъ актеровъ. Это совершенно въ духъ Еркулеса, въ духъ тирана; любовники говорятъ плаксивѣе.

Пигва. Францисъ Флейта, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.

505

Флейта. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Вы должны взять на себя роль Эисби.

Флейта. Что такое Эисби? странствующій рыцарь?

Пигва. Это дама, въ которую влюбленъ Пирамъ.

Флейта. Нѣтъ, чортъ возьми, я не хочу играть роль женщины: у меня пробивается борода.

Пигва. Это ничего не значить. Вы будете играть эту роль въ маскѣ и говорить такимъ тоненькимъ голоскомъ, какимъ вамъ будетъ угодно.

Основа. Если я могу спрятать мое лицо подъ маску, то дайте мнѣ играть роль Эисби. Я буду говорить чертовски тоненькимъ голоскомъ: "Эисби, Эисби — Ахъ, Пирамъ! мой дорогой, мой возлюбленный! Твоя дорогая Эисби, твоя дорогая возлюбленная!"

Пигва. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны исполнять роль Пирама, а вы, Флейта, Эисби.

Основа. Хорошо; продолжайте.

Пигва. Робинъ Выдра, портной!

Выдра. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Робинъ Выдра, вы возьмете на себя роль матери Эисби. — Томась Рыло, мѣдникъ!

Рыло. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Вы — роль Пирамова отца. Самъ я буду играть отца Эисби. Буравъ, столяръ, вы будете представлять льва. Надѣюсь, теперь все роли розданы.

Буравъ. Написана ли у васъ роль льва? Пожалуйста, ежели она написана, дайте мнѣ ее, а то я учу ужасно тупо.

Пигва. Нѣтъ, вы можете исполнить

506

вашу роль наобумъ: вамъ надо будетъ только рычать.

Основа. Позвольте мнѣ взять на себя роль льва. Я буду такъ рычать, что всѣмъ слушателямъ будетъ любо меня слушать; я буду такъ рычать, что заставлю герцога сказать: *"пусть его порычитъ еще, пусть его еще порычитъ"*!

Пигва. Если вы будете рычать слишкомъ страшно, то испугаете герцогиню и дамъ: вы — рычать, а онѣ — кричать; а этого достаточно, чтобы насъ повѣсили.

Всѣ. Да, этого достаточно, чтобы насъ всѣхъ перевѣшали!

Основа. Я согласенъ съ вами, друзья, что если мы испугаемъ дамъ до того, что онѣ лишатся чувствъ, то, пожалуй, могутъ заставить насъ повѣситься; но я только до такой степени возвышу мой голосъ, что буду рычать, какъ милая молодая голубка. Я просто буду рычать, какъ соловей.

Пигва. Вамъ нельзя взять на себя другой роли, кромѣ роли Пирама. Для Пирама нуженъ человѣкъ съ пріятною наружностью, красивый мужчина, какого только можно себѣ представить, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Для этой роли нуженъ самый любезный человѣкъ. А потому вы непременно должны исполнить роль Пирама.

Основа. Ладно, я беру на себя эту роль. Какую бороду я преимущественно возьму для этой роли?

Пигва. О, какую хотите.

Основа. Я привяжу себѣ или бороду соломеннаго цвѣта, или бороду оранжево-дубоваго цвѣта, или бороду пурпурно-малиноваго цвѣта, или бороду цвѣта французской короны — ярко-желтаго цвѣта.

Пигва. У нѣкоторыхъ французскихъ головъ совершенно нѣтъ волосъ, а потому вамъ пришлось бы играть безъ бороды. Однако, господа, вотъ ваши роли; я васъ прошу, я васъ умоляю, и вмѣстѣ желаю, чтобы вы выучили ихъ къ завтрашней ночи. Мы соберемся всѣ въ дворцовомъ лѣсу, который въ одной милѣ отъ города, и тамъ, при лунномъ свѣтѣ, сдѣлаемъ репетицію. Если мы соберемся въ городѣ, то толпа послѣдуетъ за нами и разболтаетъ о нашихъ намѣреніяхъ. А между-тѣмъ я составлю списокъ нѣкоторымъ вещамъ, необходимымъ для нашего представленія. Прошу васъ, не обманите меня: приходите.

Основа. Мы будемъ непременно. Тамъ мы можемъ сдѣлать нашу репетицію съ большею свободою и съ большею бодростью. Постарайтесь, господа! Отличитесь! Прощайте!

Пигва. Мы соберемся у герцогова дуба.

Основа. Довольно! Хоть тресни, а приходи! *(Всѣ уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ въ окрестностяхъ Аѳинъ.

Входятъ съ одной стороны эльфа, а съ другой Пукъ.

Пукъ.

Что новаго? Куда несешься, Эльфа?

Эльфа.

Надъ горами, надъ долами,
Сквозь лѣсную глубину,
Надъ оградой, надъ стѣнами,
Сквозь огонь и сквозь волну —
Мнѣ повсюду путь нетрудный.
Я ношусь быстрѣй луны,
Я служу царицѣ чудной
Въ часъ полночной тишины!
Я волшебные кружечки
Поливаю для нея.
Видишь буквицъ на лужечкѣ?
То питомицы ея.
Видишь пятна расписныя
На одеждахъ ихъ златыхъ?
То рубины дорогіе —
Даръ волшебницъ молодыхъ.
Въ нихъ тайникъ благоуханья,
Въ нихъ вся роскошь ихъ красы.
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы;
Я повѣсить въ серединкѣ
Каждой буквицы хочу
По жемчужинкѣ-росинкѣ.
Ну, прощай, духъ, я лечу!
Скоро праздникъ здѣсь начнется
Для царицы молодой,
И съ царицей принесется
Легкихъ эльфовъ цѣлый рой!

508

Пукъ.

И у царя здѣсь праздникъ нынче ночью.
Царицу ты свою предупреди,
Чтобы отнюдь она съ нимъ не встрѣчалась:
Онъ на нее ужасно разсерженъ
За то, что есть у ней прелестный мальчикъ,
Похищенный недавно у царя
Индійскаго. Царица не имѣла
Прелестнѣе ребенка никогда.
Нашъ Оберонъ завистливый желаетъ
Его, во что бъ ни стало, въ свиту взять,

Чтобъ обѣгать съ нимъ вмѣстѣ глушь лѣсную;
А между тѣмъ ребенка дорогого
Не хочется царицѣ уступить.
Она его цвѣтами убираетъ
И въ немъ одномъ всю радость полагаетъ.
Теперь, когда встрѣчаются они
Или въ лѣсу, иль на травѣ зеленой,
Иль у ручья, при блескѣ чудныхъ звѣздъ,
То ссориться такъ сильно начинаютъ,
Что эльфы ихъ отъ страха убѣгаютъ
И прячутся, бѣдняжки, поскорѣй
Подъ чашечки упавшихъ желудей.

Эльфа.

Наружностью твоей и обращеньемъ,
Быть можетъ, и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно духъ лукавый,
По имени Робинъ, иль Добрый Другъ.
Не ты ль дѣвицъ пугаешь деревенскихъ?
То сливочки снимаешь съ молока,
То мельницы ручныя ихъ ломаешь,
То не даешь хозяйкѣ масла сбить,
То не даешь закиснуть ихъ напиткамъ?
Не ты ль съ пути сбиваешь пѣшеходовъ
И тѣшишься ихъ страхомъ и досадой?
Но кто тебя зоветъ любезнымъ Пукомъ,
Тѣмъ счастье приносишь ты съ собой,
И самъ за нихъ работы исполняешь.
Не ты ли Пукъ?

Пукъ.

Такъ точно, ты узнала:

Я точно тотъ веселый духъ ночей
И вмѣстѣ шутъ придворный Оберона.
Нерѣдко онъ смѣется надо мной,
Когда начну я ржать, какъ кобылица,
И голосомъ обманывать коня,
Который жиръ себѣ наѣлъ бобами.
Я иногда, рѣзвяся, принимаю
Видъ яблока печенаго, и съ нимъ
Я къ кумушкѣ тихонько прячусь въ чашку;
И только лишь кума начнетъ хлебать,
Я въ губы ей толкаюсь и пьемъ
Изношенный передникъ обливаю.
А иногда для тетушки степенной,
Когда она рассказывать начнетъ

Исторію, исполненную слезъ,
Я, сдѣлавшись трехногимъ, гладкимъ стуломъ,
Изъ подъ нея выскакиваю вонъ —
И тетушка летитъ въ припадкѣ кашля,
И цѣлый хоръ, поджавъ себѣ бока,
Хохочетъ и чихаетъ, и клянется,
Что никогда не веселился онъ
Такъ истинно, какъ въ этотъ часъ паденья.
Тс! Оберонъ, мой царь, сюда идетъ!

Э л ь ф а .

А вотъ моя царица! Хорошо бы,
Когда бъ твой царь ушелъ скорѣй отсюда.

*Входятъ Оберонъ со свитой съ одной стороны
и Титанія со своей свитой — съ другой.*

Оберонъ.

Зачѣмъ я здѣсь, при мѣсячномъ сіяньи,
Надменную Титанію встрѣчаю?

Титанія.

А, это ты, ревнивецъ Оберонъ!
Идемте, эльфы: я, вѣдь, поклялась
Съ нимъ не дѣлить ни общества, ни ложа.

Оберонъ.

Остановись, преступная жена:
Не я ль твой мужъ!

Титанія.

А я тебѣ жена!

О, знаю я, ты часто покидаешь
Изподтишка волшебную страну
И въ образѣ влюбленнаго Корина
Проводишь дни, съ свирѣлію въ рукахъ,
У ногъ своей возлюбленной Фелиды,
И ей поешь любовь свою въ стихахъ!
Ты для чего изъ дальнихъ странъ индійскихъ
Явился здѣсь? Ужъ вѣрно для того,
Что съ дерзкою, въ сапожкахъ, амазонкой,
Съ воинственной любимицей твоей,
Готовится Тезей соединиться —
И ложу ихъ пришелъ ты даровать
И счастье, и радость безъ конца.

Оберонъ.

Титанія, тебѣ ли упрекать
За то, что я привязанъ къ Ипполитѣ?

Извѣстна мнѣ къ Тезею страсть твоя:
При блѣдномъ звѣздѣ сіяніи, не ты ли
Похитила его у Перигены,
Которую онъ обольстиль? Не ты ль
Заставила его забыть всѣ клятвы,
Которыя давалъ онъ Аріаднѣ,
Аглаѣ и прекрасной Антиопѣ?

509

Титанія.

Ты въ ревности все это изобрѣлъ.
Какъ перешло за половину лѣто,
Ни разу намъ собраться не случилось
Въ лѣсу, въ лугахъ, въ долинѣ, на горѣ,
Иль при ручьѣ, поросшемъ тростниками,
Иль на краю приморскихъ береговъ,
Чтобы плясать подъ свистъ и говоръ вѣтра
И составлять кружечки, безъ того
Чтобъ ты своимъ неутомнымъ крикомъ
Не помѣшалъ веселью нашихъ игръ.
И вѣтры, намъ какъ-будто-бы въ отместку,
За то, что тщетно пѣсни намъ поютъ,
Всѣ принялись высасывать изъ моря
Зловредные туманы и пары,
Туманами покрыли всѣ равнины
И вздули такъ ничтожныя рѣченки,
Что ихъ сдержать не могутъ берега.
Съ тѣхъ поръ, какъ мы поссорились съ тобою,
Напрасно волю впрягается въ ярмо,
Напрасно трудъ свой тратитъ земледѣлецъ:
Зеленая пшеница вся сгнила,
Хотя еще пушкомъ не покрывалась;
Отъ падежа вороны разжирѣли,
И на поляхъ затопленныхъ стоятъ
Забытые, пустынные загоны;
Иль заволокъ слѣды веселыхъ игръ,
И на дугу играющихъ не видно.
Съ тѣхъ поръ зима людей не услаждаетъ,
И пѣнія не слышно по ночамъ.
За то луна, властительница водъ,
Вся блѣдная отъ гнѣва, напоила
Туманами и сыростью весь воздухъ
И насморки въ избыткѣ зародила.
Всѣ времена съ тѣхъ поръ перемешались:
То падаетъ бѣлоголовый иней

Въ объятія едва расцвѣтшей розы;
То, будто бы въ насмѣшку, лѣто вьетъ
Гирлянды изъ распуколокъ, и ими
Чело зимы, увѣнчанное льдомъ,
И бороду старушки украшаетъ.
Суровая зима, весна и лѣто,
И осень плодовитая мѣняють
Обычные ливреи межъ собой;
Не узнаетъ времянь міръ удивленный —
И это все надѣлалъ нашъ раздоръ,
И мы всему причина и начало!

Оберонъ.

Исправить все зависитъ отъ тебя.
Титанія, зачѣмъ противорѣчить?
Я лишь прошу мнѣ уступить ребенка
Въ мои пажи.

Титанія.

Ты можешь быть покоень —
Я всей страны волшебной не возьму
За этого ребенка. Мать его
Была моею жрицей. Сколько разъ
Во тьмѣ ночей индійскихъ, ароматныхъ
Она моей сопутницей бывала!
На золотыхъ непуновыхъ пескахъ
Любили мы сидѣть и наблюдать,
Какъ по волнамъ купеческія судна
Несутся въ даль. О, какъ смѣялись мы,
Любуясь, какъ вѣтеръ шаловливый
Ихъ паруса натягивалъ — и тѣ
Вздувались вдругъ огромнымъ животомъ.
Тогда моя несчастная подруга
Беременна была моимъ пажомъ
И съ ловкостью, бывало, подражала,
По воздуху летая, парусамъ,
Беременнымъ отъ вѣтра. Надъ землею,
Какъ по волнамъ, наплававшись, она
Неслась назадъ съ какой-нибудь бездѣлкой
И мнѣ ее вручала, говоря,
Что нашъ корабль съ своимъ богатымъ грузомъ
Пришелъ назадъ изъ дальняго пути.
Но смертная была моя подруга
И умерла, доставивъ сыну жизнь.
Любя ее, я сына воспитаю;
Любя ее, я не расстанусь съ нимъ.

Оберонъ.

Ты долго здѣсь намѣрена остаться?

Титанія.

Я, можетъ быть, пробуду здѣсь день свадьбы.
Не хочешь ли спокойно поплясать
Средь нашихъ хороводовъ, иль взглянуть
На праздникъ нашъ, при мѣсячномъ сіяньи?
Пойдемъ, не то — оставь насъ: обойдемся
И безъ тебя.

Оберонъ.

Ребенка мнѣ отдай —
И я готовъ тогда итти съ тобою.

Титанія.

За всѣ твои владѣнья не отдамъ!
Пока я здѣсь, мы будемъ лишь браниться.
Пойдемте, эльфы, прочь отсюда!

(Титанія и ея свита уходятъ).

Оберонъ.

Ну, хорошо, иди своимъ путемъ;
Но я тебя не выпущу изъ лѣса,
Пока твоихъ обидъ не отомщу.
Мой милый Пукъ, поди сюда скорѣ!
Ты помнишь ли, однажды тамъ сидѣлъ
Я на мысу и слушалъ, какъ сирена,
Несомая дельфиномъ на хребтѣ,
Такъ хорошо, такъ сладко распѣвала,

510

Что пѣснь ея смирила ярость волнь
И звѣздочки со сферъ своихъ сбѣгали,
Чтобъ музыку сирены услыхать?

Пукъ.

Да, помню.

Оберонъ.

Ну, въ то самое мгновенье
Я увидалъ — но видѣть ты не могъ —
Что Купидонъ во всемъ вооруженьи
Летѣлъ межъ хладною луною и землей
И цѣлился въ прекрасную весталку,
Которая на Западѣ царить.
Вдругъ онъ въ нее спустилъ стрѣлу изъ лука
Такъ сильно, что какъ будто былъ намѣренъ
Онъ не одно, а тысячь сто сердець

Пронзить одной пылающей стрѣлою.
И что жь? Стрѣла, попавши въ хладный мѣсяць,
Потухла тамъ отъ дѣвственныхъ лучей.
И видѣлъ я, какъ царственная дѣва,
Свободная пошла своимъ путемъ
И въ чистыя вновь погрузилась думы.
Однако я замѣтилъ, что стрѣла
На западный цвѣтокъ, кружась, упала.
Онъ прежде былъ такъ бѣлъ, какъ молоко,
Но, раненый любовію, отъ раны
Онъ сдѣлался пурпурнымъ. Всѣ дѣвицы
Любовью въ праздности его зовутъ.
Поди, найди цвѣточекъ — я тебѣ
Его траву показывалъ однажды.
Чьихъ вѣкъ, смеженныхъ сладкимъ сновидѣньемъ,
Коснется сокъ, добытый изъ него,
Тотъ влюбится, проснувшись, до безумья
Въ то первое живое существо,
Которое глазамъ его предстанеть.
Поди, найди растенье и опять
Явись сюда скорѣе, чѣмъ успѣетъ
Левіаѳанъ проплыть не больше мили.

Пукъ.

Достаточно мнѣ сорока минутъ,
Чтобы кругомъ всю землю опоясать.
(*Уходитъ*).

Оберонъ.

Съ моимъ цвѣткомъ волшебнымъ я подкрадусь
Къ Титаніи, когда она уснетъ,
И ей въ глаза пущу немного соку.
Онъ сдѣлаетъ, что первый, кто предстанеть
Ея глазамъ — будь онъ медвѣдь, иль левъ,
Иль воинъ, быкъ, иль хитрая маргышка —
Тому она предастся всей душой.
И прежде, чѣмъ съ нея сниму я чары —
Что сдѣлать я могу другой травой —
Мнѣ своего пажа она уступитьъ.
Но кто идетъ сюда? Я невидимъ:
Подслушаю, что будутъ говорить.

Входитъ Деметрій; Елена слѣдуетъ за нимъ.

Деметрій.

Оставь меня — я не люблю тебя!
Гдѣ жь Гермія прекрасная съ Лизандромъ?

Убью его — почти убить я ею!
Они въ лѣсу укрылись, ты сказала —
И вотъ я здѣсь, и вновь взбѣшенъ жестоко,
Что Герміи не встрѣтилъ! Прочь, оставь
И перестань преслѣдовать меня.

Е л е н а .

Ты самъ своимъ магнитнымъ, жесткимъ сердцемъ
Меня влечешь. Не полагай, однако,
Что привлекаешь ты къ себѣ желѣзо:
Нѣтъ, сердцемъ я, повѣрь, вѣрна, какъ сталь!
Лишишь ты силы привлекать, тогда
Къ тебѣ стремиться силы я лишуся.

Д е м е т р і й .

Я ль льстилъ тебѣ? я ль былъ съ тобою ласковъ?
Напротивъ, я признался откровенно,

511

Что не люблю тебя и не могу
Тебя любить.

Е л е н а .

За это я сильнѣе
Тебя люблю. Деметрій, я собачка,
Которую, чѣмъ болѣе ты бьешь,
Тѣмъ болѣе она тебя ласкаетъ.
Да, обходись со мною, какъ съ собачкой:
Толкай меня ногами, бей меня,
Не обращай вниманья — погуби;
Но какъ бы я презрѣнна ни была,
Лишь слѣдовать позволь мнѣ за собою.
Въ твоей любви могу ль просить я мѣста
Смирннѣе того, въ которомъ ты
Не отказалъ, конечно бѣ, и собакѣ;
Но счастлива была бы я и тѣмъ.

Д е м е т р і й .

Не возбуждай ты слишкомъ отвращенья:
Когда тебя я вижу — боленъ я.

Е л е н а .

А я больна, когда тебя не вижу.

Д е м е т р і й .

Ты скромности законы оскорбляешь,
Изъ города такъ поздно выходя,
Преслѣдуя того, кѣмъ не любима,
И дорогую дѣвственность ввѣряя

Удобностямъ пустынной тишины
И прихоти дурныхъ внушеній ночи.

Е л е н а .

Защитою моею — добродѣтель
Демерія. Когда тебя я вижу,
То для меня не существуетъ ночи.
Мнѣ кажется, что ночи нѣтъ теперь,
Мнѣ кажется, что обществомъ наполненъ
Пустынный лѣсъ. Въ тебѣ одномъ весь міръ!
Кто жъ подтвердитъ, что я одна въ лѣсу,
Когда весь міръ здѣсь на меня взираетъ!

Д е м е т р і й .

Я убѣгу и спрячусь отъ тебя
Въ кустарникахъ. И ты среди звѣрей
Останешься одна.

Е л е н а .

О, самый дикій

Изъ всѣхъ звѣрей не такъ жестокъ, какъ ты!
Бѣги, когда ты хочешь; мы измѣнимъ
Уставленный природою порядокъ —
И побѣжитъ отъ Дафны Аполлонъ,
За грифономъ помчится голубица,
И даже лань смиренная — и та
Удвоитъ бѣгъ, чтобы настигнуть тигра...
Но тщетны всѣ усилья, если слабость
Преслѣдуетъ, а твердость убѣгаетъ!..

Д е м е т р і й .

Тебя я слушать больше не хочу:
Пусти меня! И если ты за мною
Пойдешь опять, то я тебѣ клянусь,
Что причину въ лѣсу тебѣ я горе.

Е л е н а .

Увы! во храмѣ, въ городѣ и въ полѣ
Ты причиняешь горе мнѣ вездѣ!
Демерій, стыдно! Оскорбивъ меня,
Весь женскій полъ ты оскорбилъ жестоко!
Мы, женщины, не можемъ, какъ мужчины,
Оружіемъ завоевать любовь;
Мы созданы, чтобъ принимать отъ васъ
Любезности, а не самимъ за вами
Ухаживать. Я за тобой пойду...
О, я хочу изъ ада сдѣлать небо,
Принявши смерть отъ милой мнѣ руки!

(Деметрій и Елена уходятъ).

Оберонъ.

Прощай! путь добрый, нимфа! Я устрою,
Пока вы здѣсь, что будешь отъ него
Ты убѣгать, а онъ страдать любовью.

Пукъ *возвращается.*

Оберонъ.

А, здравствуй Пукъ! Досталъ ли ты цвѣтокъ?

Пукъ.

Досталъ; вотъ онъ.

Оберонъ.

Давай его скорѣй,

Прошу тебя. Я знаю чудный берегъ,
Гдѣ дикій тминъ растеть и гдѣ цвѣтуть,
Качаяся, фіалки возлѣ буквиць.
Надъ берегомъ изъ жимолости темной,
Шиповника и благовонныхъ розъ,
Какъ-будто тамъ шатерь образовался.
Въ немъ иногда, на ложѣ изъ цвѣтовъ,
Титанію въ часъ ночи усыпляетъ
Своей игрой и пляской эльфовъ хоръ,
А пестрый змѣй съ себя снимаетъ шкурку,
Которая довольно широка,
Чтобъ эльфа въ ней закутать совершенно.
Пойду туда, Титаніи въ глаза,
Во время сна, пущу немного соку —
И въ тотъ же мигъ чудовищныхъ фантазій
Исполнится ея воображенье.
Возьми и ты цвѣточекъ и ступай
Искать въ лѣсу. Аѳинянку найдешь
Ты тамъ и съ ней аѳинянина: онъ
Ея любовь упорно отвергаетъ.
Ты молодца узнаешь по одеждѣ.
Натри ему глаза и сдѣлай такъ,

Чтобы ее онъ увидалъ проснувшись.
Смотри, устрой, чтобъ онъ въ нее влюбился
Еще сильнѣй, чѣмъ влюблена она.
Ступай же, Пукъ, и будь опять со мною,
Пока еще пѣтухъ не прокричалъ.

Пукъ.

Покоень будь: исполню приказанья.

(Уходятъ)

СЦЕНА II.

Другая часть лѣса.

Входитъ Титанія со свитой.

Титанія.

Составьте хороводъ и пойте пѣсни,
Потомъ на треть минуты удалитесь:
Ступайте — кто злыхъ гусеницъ топтать,
Кто воевать съ летучими мышами,
Чтобы потомъ для всѣхъ малютокъ эльфъ
Сшить платица изъ кожаныхъ ихъ крыльевъ,
Кто отгонять толпы несносныхъ совъ,
Которыхъ такъ малютки удивляютъ,
Что напролетъ всю ночь они кричатъ.
Теперь меня вы пѣсней усыпите,
А тамъ скорѣй летите исполнять
Свои дѣла; я отдыхать здѣсь буду.

пѣсня.

Первый эльфъ.

Вы, съ раздвоеннымъ жаломъ змѣйки,
Припрячьте пестренькія шейки,
А вы, колючіе ежи
И долгохвостые ужи,
Царицѣ доброй не вредите
И близко къ ней не подходите!

Хоръ.

Съ нашей пѣсней, Филомела,
Слей мелодію свою,
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтобъ ничто вредить не смѣло,
Чтобъ царица здѣсь спала,
Не страшась ни чаръ, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поемъ тебѣ: "бай, бай!"

Второй эльфъ.

Не ходите сюда вы, ткачи-пауки,
Долгоногіе — прочь, удалитесь!
Прочь, улитки, жуки!
Да и вы, червяки,

Сонъ царицы нарушить страшитесь!

Хоръ.

Съ нашей пѣсней, Филомела,
Слей мелодію свою.
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтобъ ничто вредить не смѣло,
Чтобъ царица здѣсь спала,
Не страшась ни чаръ, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поемъ тебѣ: "бай бай!"

Первая эльфа.

Прочь улетимъ: теперь въ порядкѣ все.
Пусть лишь одинъ останется на стражѣ.

(Эльфы улетаютъ. Титанія засыпаетъ).

Входитъ Оберонъ.

Оберонъ

(выжимая цвѣтокъ на глаза Титаніи).

Кого проснувшись ты увидишь,
Того всѣмъ сердцемъ обожай,
Люби его, какъ только можешь,
И отъ любви къ нему страдай!
Будь онъ медвѣдь, иль волъ, иль кошка,
Будь онъ кабанъ, иль барсъ степной —
Пускай тебѣ вообразится,
Что одаренъ онъ красотой!
Лишь только гадкое творенье
Сюда придетъ, сбрось усыпленье!

(Оберонъ уходитъ.)

Входятъ Лизандеръ и Гермія.

Лизандеръ.

Прекрасная, ты вѣрно утомилась,
Такъ по лѣсу блуждая? Ты права:
Мы сбились съ дороги. Если хочешь,
Мы, Гермія, здѣсь можемъ отдохнуть
И подождать, пока разсвѣтъ настанетъ.

Гермія.

Да, отдохнемъ, Лизандеръ. Поищи
Себѣ постель, а я на возвышеньи
Прилягу здѣсь усталой головой.

Лизандеръ.

Подушкой пусть одна и та же кочка
Послужить намъ. Одно пусть будетъ сердце,
Одна — постель. И въ насъ хотъ двѣ души,
Но вѣрность, вѣдь, одна на днѣ обѣихъ.

Гермія.

Нѣтъ, милый мой, хотъ изъ любви ко мнѣ,
Мой дорогой Лизандеръ, согласися, —
И не ложись такъ близко.

513

Лизандеръ.

О, прими

Мои слова въ чистѣйшемъ ихъ значеніи!
Всегда должно любовью понимать
Слова любви. Я говорю, что сердцемъ
Привязанъ я такъ сильно къ твоему,
Что въ насъ двоихъ одно и то же сердце.
Я говорю, что клятвой двѣ души
Въ насъ скованы такъ сильно, что хотъ точно
Въ насъ двѣ души, но вѣрность въ нихъ одна.
Позволь же мнѣ лечь рядомъ. Вѣрь мнѣ: я,
Ложась съ тобой, не осквернюся ложью.

Гермія.

Какъ хорошо играешь ты словами!
Свой нравъ и гордость прокляла бы я,
Когда бь могла подумать, что ты лжешь;
Но, милый другъ, настолько будь любезенъ
И, изъ любви ко мнѣ, ложись подальше.
Чтобъ скромности людской не оскорбить,
Намъ слѣдуетъ съ тобою разлучиться.
Межъ юношей и дѣвой молодой,
Мой милый другъ, прилично разстоянье.
Итакъ — прощай. Пускай твоя любовь
Лишь съ жизнію безцѣнною изсякнетъ.

Лизандеръ.

Аминь, аминь, отвѣчу на молитву.
Пусть жизнь моя окончится тогда,
Когда любить тебя я перестану.
Я лягу здѣсь. Желая, чтобы сонъ
Твои глаза сомкнулъ успокоеньемъ.

Гермія.

А я хочу, чтобъ точно тѣмъ же онъ
Закрылъ глаза того, кто мнѣ желаетъ.

(Лизандеръ и Гермія засыпаютъ).

Входитъ Пукъ.

Пукъ.

Я лѣсь кругомъ весь обошелъ,

514

А челоѣка не нашель,
На чьихъ глазахъ мой царь желаетъ
Цвѣточекъ этотъ испытать.
Онъ чудной силой обладаетъ
Любовь мгновенно зарождать.
Ночь — тишина! А, вот невѣжда!
На немъ аѣинская одежда...
Такъ, это онъ, должно быть, онъ,
О комъ твердилъ мнѣ Оберонъ:
Тотъ самый, что пренебрегаетъ
Аѣинской дѣвой. Вотъ она
Благополучно почиваетъ,
Хотя постель ея грязна.
Бѣдняжка, лечь она не смѣла
Съ своимъ безчувственнымъ рядкомъ.
Постой же, я поправлю дѣло:
Натру глаза его цвѣткомъ.
Пусть мой цвѣтокъ моей рукою
Всю душу въ немъ настроитъ вновь,
И съ этихъ поръ не дастъ покою
Его глазамъ его любовь!
Проснись, когда я удалюся:
Я жъ къ Оберону тороплюся.

(Выжимаетъ цвѣтокъ на глаза Лизандера и уходитъ).

Входитъ Деметрій, Елена бѣжитъ за нимъ.

Елена.

Остановись, хотя бы для того,
Чтобы меня убить, о, мой Деметрій!

Деметрій.

Прочь — и не смѣй преслѣдовать меня —
Я требую.

Елена.

Не хочешь ли ты бросить
Меня одну во тьмѣ? О, не бросай!

Деметрій.

Останься здѣсь, или съ тобой случится
Несчастье. Я хочу итти одинъ. *(Уходитъ).*

Е л е н а .

Я не могу перевести дыханья;
 Но тщетно я преслѣдую его:
 Чѣмъ болѣе его я умоляю,
 Тѣмъ меньше въ немъ участья возбуждаю.
 Ты жъ, Гермія — ты счастлива вездѣ,
 Гдѣ бѣ ни была! Въ твоихъ глазахъ есть сила
 Притягивать къ себѣ сердца другихъ.
 Чѣмъ придала она такъ много блеску
 Своимъ глазамъ? быть можетъ, солью слезъ?
 О, если бѣ такъ, то чаще, чѣмъ ея,
 Мои глаза слезами орошались!
 Нѣтъ; какъ медвѣдь, собой я безобразна:
 Встрѣчаяся со мною, даже звѣри
 Пугаются и отъ меня бѣгутъ;
 Не должно же дивиться, что Деметрій
 Отъ моего присутствія бѣжитъ,
 Какъ-будто отъ чудовища. Какому
 Коварному, несчастному стеклу
 Я вѣрила, что съ Герміей прекрасной
 Осмѣлилась я сравнивать себя!
 Кто это здѣсь? Лизандеръ на землѣ!
 Онъ спитъ иль мертвъ? Но я не вижу крови
 И раны нѣтъ. Лизандеръ, если вы
 Не умерли, проснитесь ради Бога!

Л и з а н д е р ъ (*просыпаясь*).

О, для тебя, прозрачная Елена,
 Я сквозь огонь охотно побѣгу.
 Могущество свое теперь являетъ
 Природа тѣмъ, что дозволяетъ мнѣ
 Въ твоей груди вполнѣ увидѣть сердце.
 Деметрій! Гдѣ онъ? Гадко это имя!
 Какъ хорошо оно тому пристало,
 Кто долженъ пасть отъ моего меча!

Е л е н а .

Лизандеръ, нѣтъ, не говорите такъ;
 Что нужды вамъ, что Гермію онъ любитъ?
 О, Боже мой, у Герміи въ душѣ
 Одни лишь вы: такъ будьте же довольны!

Л и з а н д е р ъ .

Довольнымъ быть! Кѣмъ — Герміей? О, нѣтъ!

Раскаялся я въ скучныхъ тѣхъ минутахъ,
Которые я съ нею потерялъ!
Не Гермію люблю я, а Елену.
Кто жъ ворона на голубя смѣнять
Не пожелаетъ? Волей человѣка
Владѣть умъ, а умъ мнѣ говорить,
Что ты изъ всѣхъ достойнѣйшая дѣва.
Какъ всякій плодъ до зрѣлости доходитъ
Въ извѣстное лишь время, такъ и я
До сей поры былъ юношей незрѣлымъ.
Мой умъ достигъ теперь лишь до сознанья
И, управляя волею моею,
Привелъ меня къ глазамъ твоимъ, Елена:
Въ твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ незакрытой,
Читаю я рассказы про любовь.

Е л е н а .

За что меня избрали вы предметомъ
Насмѣшки злой? Чѣмъ заслужила я
Презрѣніе отъ васъ? О, не довольно ль,
Не слишкомъ ли довольно и того,
Что заслужить я не могла и взгляда
Привѣтнаго отъ милаго ничѣмъ?
Нѣтъ, мало вамъ — и надъ моимъ безсильемъ
Смѣтаетъ вы. Повѣрьте мнѣ, Лизандеръ:
Презрительно привѣтствуя меня,
Не хорошо вы сдѣлали. Прощайте.
Но, признаюсь, я больше ожидала
Участія въ васъ встрѣтить. Неужели,
Когда однимъ мужчиною дѣвица
Отвергнута, то долженъ оскорблять
Ее другой? (*Уходитъ*).

Л и з а н д е р ъ .

Елена не видала
Здѣсь Герміи! Спи, Гермія! Отнынѣ
Ко мнѣ не приближайся! Какъ желудокъ,
Пресытившись хорошимъ сладкимъ яствомъ,
Потомъ къ нему питаетъ отвращенье;
Какъ ереси - особенно для тѣхъ,
Которые въ нихъ долго заблуждались -
Становятся глубоко ненавистны:
Такъ Гермія, какъ ересь иль какъ яства
Въ излишествѣ, будь ненавистна всѣмъ,
Особенно жъ будь ненавистна мнѣ!
Я съ этихъ поръ всѣ силы посвящаю

Любви моей Елены и ея
Могуществу. Ей буду я слугою! (*Уходитъ*).

Гермія (*просытаясь*).
О, помоги, Лизандеръ, помоги!
Сорви змѣю съ груди моей скорѣе!
О, сжался!.. Ахъ, какой тяжелый сонъ!
Смотри, я все еще дрожу отъ страха.
Мнѣ снилося, что будто бы змѣя
Ужасная мнѣ сердце пожирала
И что, смѣясь, спокойно ты смотреѣль
И на змѣю, и на мои страданья.
Лизандеръ! Какъ, ушелъ? Меня не слышитъ?
Лизандеръ! Какъ, ни звука нѣтъ, ни слова!
Увы! гдѣ ты? О, говори со мной,
О, говори, молю тебя любовью!
Я чувствъ почти лишилася отъ страха.
Нѣтъ, видно, ты далеко отъ меня!
Тебя иль смерть сейчасъ же отыщу я!
(*Убѣгаетъ*).

517

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Та же часть лѣса.

Титанія *спитъ*. *Входятъ* Пигва, Буравъ,
Основа, Флейта, Рыло и Выдра.

Основа. Всѣ ли мы собрались?

Пигва. Хорошо! хорошо!... Да, здѣсь чрезвычайно подходящее мѣсто для нашей репетиціи. Эта зеленая лужайка будетъ нашей сценой, этотъ кустъ боярышника — нашей уборной; и мы разыграемъ нашу пьесу точь-въ-точь какъ передъ герцогомъ.

Основа. Питеръ Пигва!

Пигва. Что тебѣ, самонадѣянный Основа?

Основа. Есть вещи въ этой комедіи Пирама и Эисби, которыя вовсе не понравятся. Во-первыхъ, Пирамъ долженъ обнажить мечъ, чтобы убить себя — этого дамы не могутъ вынести. Что ты на это скажешь?

Рыло. Клянусь — это въ самомъ дѣлѣ опасно.

Выдра. Я полагаю, что при концѣ представленія убійство можно и выпустить.

О с н о в а . Ничуть! У меня есть хитрость, которая все уладить. Напишите мнѣ прологъ и пусть въ этомъ прологѣ будетъ сказано, что мы вовсе не хотимъ вредить

519

нашими мечами и что Пирама въ дѣйствительности не убиваетъ; а для бѣльшаго убѣжденія, скажите имъ, что я, Пирамъ, не Пирамъ, а просто Никъ Основа, ткачъ: это уничтожить всякій страхъ.

П и г в а . Хорошо, у насъ будетъ такой прологъ, и мы напишемъ его восьмистопными и шестистопными стихами.

О с н о в а . Нѣтъ, прибавьте еще двѣ стопы: пусть онъ будетъ восьмистопный и восьмистопный.

Р ы л о . Не испугаются ли дамы льва?

В ы д р а . Я боюсь этого — увѣряю васъ.

О с н о в а . Господа, вы должны это хорошенько обдумать. Привести — Боже насъ избави — льва туда, гдѣ находятся дамы! это ужаснѣйшій поступокъ! Изъ всѣхъ дикихъ звѣрей нѣтъ птицы страшнѣе вашего льва — живого льва, и вы должны обратить на это вниманіе.

Р ы л о . Надо будетъ въ другомъ прологѣ сказать, что это не левъ.

О с н о в а . Нѣтъ, надо, чтобъ актеръ назвалъ себя по имени и изъ-за шеи льва показалъ до половины свое лицо. При этомъ онъ можетъ сказать вотъ что, или что-нибудь подобное: "Сударыни", или: "прекрасныя дамы, я бы желалъ...", или: "я прошу васъ", или: "я умоляю васъ — не пугайтесь, не трепещите: я ручаюсь моею жизнью за ваши жизни. Если вы думаете, что я левъ, то я пропалъ! Нѣтъ, я совсѣмъ не левъ: я такой же человѣкъ, какъ и другіе люди". При этомъ, кстати, пусть актеръ назоветъ себя по имени; пусть онъ скажетъ, что онъ просто Буравъ, столяръ.

П и г в а . Хорошо, пусть будетъ такъ. Но есть еще двѣ трудныя вещи: первая — какъ привести въ комнату лунный свѣтъ? Вы знаете, что Пирамъ и Эисби разговариваютъ при лунномъ свѣтѣ.

Б у р а в ъ . Будетъ ли свѣтитъ луна въ ночь нашего представленія?

О с н о в а . Календарь! календарь! Посмотрите въ календарь; сыщите лунный свѣтъ, сыщите лунный свѣтъ!

П и г в а . Да, въ эту ночь луна будетъ свѣтитъ.

О с н о в а . Если такъ, то стоитъ только въ большой комнатѣ, гдѣ мы будемъ играть, оставить окно открытымъ — и луна сама будетъ свѣтитъ въ окно.

П и г в а . Да. Не то, пусть кто-нибудь придетъ съ зажженнымъ пучкомъ терновника или съ фонаремъ, и скажетъ, что онъ пришелъ подражать лунѣ или представлять лунный свѣтъ. Но есть другое затрудненіе: намъ нужна будетъ стѣна въ большой комнатѣ, ибо Пирамъ и Эисби, какъ гласить исторія, разговаривали сквозь щель стѣны.

Б у р а в ъ . Вы никогда не ухитритесь принести стѣну въ комнату! Что вы скажете, Основа?

Основа. Кто-нибудь может представлять стѣну. Пусть онъ намажетъ себя немножко гипсомъ, или мѣломъ, или штукатуркой, чтобы лучше походить на стѣну, и пусть онъ держитъ свои пальцы вотъ такъ, и сквозь нихъ Пирамъ и Эисби будутъ шептаться.

Пигва. Ежели это можно сдѣлать, то теперь все слажено. Ну, садитесь на землю и повторяйте ваши роли. Пирамъ, вы начинаете. Когда вы проговорите вашу рѣчь, то войдете въ эту чашу. Такъ будутъ дѣлать всѣ, каждый соображаясь съ своей ролью.

Пукъ *появляется позади ихъ.*

Пукъ.

Что за народъ здѣсь грубый раскричался
Такъ близко отъ царицыной бесѣдки?
Комедию, никакъ, здѣсь затѣваютъ!
Послушаю, а, можетъ быть, и самъ
При случаѣ, къ нимъ попаду въ актеры.

Пигва. Начинайте, Пирамъ! Эисби, подойдите поближе!

Пирамъ *(декламируя).*

О, милая Эисби, цвѣтовъ неблаговонье...

Пигва *(поправляетъ его).* Цвѣтовъ благоуханье, благоуханье!

Пирамъ.

О, милая Эисби, цвѣтовъ благоуханье
Не такъ пріятно мнѣ, какъ устъ твоихъ дыханье!
Но слышу голосъ я: останься здѣсь покуда,
А я сейчасъ опять къ тебѣ явлюсь оттуда!

(Уходитъ въ кусты).

Пукъ.

О, мой Пирамъ, страннѣйшій изъ Пирамовъ!

(Уходитъ за Пирамомъ).

Флейта. Теперь моя очередь говорить?

Пигва. Да, разумѣется, теперь вамъ говорить. Вы понимаете, что онъ пошелъ освѣдомиться, что тамъ за шумъ, и сейчасъ воротится.

Эисби.

Блестящій мой Пирамъ, съ лилейной бѣлизною,
Ты розу побѣдилъ своею красотою!
Могучій юноша, брильянтъ души моей
И вѣрный мнѣ, какъ конь, вѣрнѣйшій изъ коней,

Который никогда усталости не знаетъ!
Приду къ тебѣ, Пирамъ, къ Нинушѣ на могилу!

Пигва. *Къ Нину на могилу, любезный!* Но вамъ еще рано это говорить: этимъ стихомъ вы должны отвѣчать Пираму. Вы выговариваете вашу роль всю сплошь и не дожидаетесь реплики. Пирамъ входитъ; вы кончаете этими словами: *усталости не знаетъ.*

Возвращается Пукъ невидимый и Основа съ ослиной головой.

О и с б и .

И вѣрный мнѣ, какъ конь, вѣрнѣйшій изъ коней,
Который никогда усталости не знаетъ!

П и р а м ъ .

Лишь для тебя Пирамъ прекраснымъ быть желаетъ!

Пигва. О ужасъ! О, чудо! Здѣсь черти! Молитесь, господа! Спасайтесь, добрые люди! Помогите!

(Всѣ разбѣгаются).

П у к ъ .

Теперь пойду за вами и заставлю
Васъ поплутать порядкомъ чрезъ кусты,
Чрезъ тернiя, чрезъ чащу и болота.
Я буду вамъ являться каждый мигъ
То лошадю, то свинкой, то собакой,
Медвѣдемъ безголовымъ, то огнемъ,
И буду ржать и хрюкать, и урчать,
Рычать и жечь, при каждой перемѣнѣ,
То лошади, то свинкѣ, то собакѣ,
То пламени, то хищному медвѣдю
Со всѣмъ моимъ искусствомъ подражая.

(Уходитъ).

О с н о в а . Куда же это они разбѣжались? А! это штука: они хотятъ испугать меня.

Возвращается Рыло .

Рыло. О, Основа! ты превращень: что это я вижу на тебѣ?

Основа. Что вы видите? вы видите ослиную голову, такую же, какъ ваша — не такъ ли?

Возвращается Пигва .

Пигва. Да защититъ тебя небо, Основа! да защититъ тебя небо: ты превращень!

(Рыло и Пигва убегаютъ).

Основа. Я понимаю ихъ хитрость: они хотятъ сдѣлать видъ, что принимаютъ меня за осла и испугать, если можно; но я не сойду съ этого мѣста, что бы они ни дѣлали; я буду здѣсь прогуливаться взадъ и впередъ; я буду пѣть, чтобы они слышали, что я не испугался.

(Поетъ).

И чернѣй дроздь с оранжевымъ носкомъ,
И сѣрый дроздь съ пріятнымъ голоскомъ,
И королекъ съ коротенькимъ пушкомъ...

Титанія (пробуждаясь).

О, кто меня, какъ геній, пробуждаетъ?

Основа (поетъ).

И зябликъ, и щегленокъ,
И звонкій жаворонокъ.

521

И сѣрая пеструшка —
Несносная кукушка,
Которая весь вѣкъ
Все то же повторяетъ;
Ей внемлетъ человѣкъ,
Хоть вѣрить не желаетъ.

Впрочемъ, кто же захочетъ терять свои слова для такой глупой птицы?
Кто захочетъ доказывать птицѣ, что она вретъ, хоть бы она цѣлый вѣкъ
кричала: "ку-ку!"

Титанія.

О, спой еще, прекраснѣйшій изъ смертныхъ:
Мой слухъ влюбленъ въ твой чудный голосокъ,
Какъ влюблены мои глаза въ твой образъ.
Ты силою своихъ прекрасныхъ качествъ
Влечешь меня невольно и признаться,
И клятву дать, что я тебя люблю!

Основа. Мнѣ кажется, сударыня, что съ вашей стороны не слишкомъ
благоразумно любить меня. Впрочемъ, сказать правду, въ нынѣшнее время
любовь и благоразуміе рѣдко ходятъ рука-объ-руку, и, право, достойно
сожалѣнія, что какой-нибудь честный сосѣдъ не возьметъ на себя труда
подружить ихъ. Видите ли, что я умѣю и пошутить при случаѣ.

Титанія. Ты такъ уменъ, какъ и красивъ собою!

Основа. Ни то, ни другое. Но если бы я имѣлъ настолько ума, чтобы
выйти изъ этого лѣса, мнѣ было бы достаточно его для собственнаго
обихода.

Титанія.

О, не желай изъ лѣса выходить!
Я не пуцу: ты долженъ здѣсь остаться.
Я эльфа и породы не простой:
Весна всегда живетъ въ моихъ владѣньяхъ.
Люблю тебя, останься же со мной!
Я дамъ тебѣ прекрасныхъ эльфовъ въ услугу,

И для тебя онѣ пойдутъ искать
На днѣ морскомъ камня дорогіе
И будутъ пѣть и пѣсней усыплять
На берегу, усыпанномъ цвѣтами.
И смертную природу я въ тебѣ
Очищу такъ, что будешь ты подобенъ
Воздушному, бесплотному созданью.
Скорѣй, Горохъ Душистый, Паутинка,
Моль, Зернышко Горчичное, сюда!

Являются четыре эльфы.

Первая эльфа.

Я здѣсь!

Вторая эльфа.

И я!

Третья эльфа.

И я!

Четвертая эльфа.

Что намъ прикажешь?

Титанія.

Любезными прошу быть съ этимъ смертнымъ.
Всѣ прыгайте, рѣзвитесь передъ нимъ,
Его кормить несите абрикосы,

522

Смородину, пурпурный виноградъ
И ягоды шелковицы, и фиги;
У дикихъ пчелъ похитите сладкій медъ,
А ножки ихъ, напитанныя воскомъ,
Повырвите и, факелы подѣлавъ,
Зажгите ихъ у свѣтляковъ въ глазахъ,
Чтобъ освѣщать и сонъ, и пробужденье
Любезнаго. У бабочекъ цвѣтныхъ
Вы крылышки цвѣтныя оборвите,
Чтобъ отгонять, какъ вѣрамы, ими
Лучи луны отъ усыпленныхъ глазъ.
Привѣтствуйте его скорѣе, эльфы!

Первая эльфа.

Привѣтъ тебѣ!

Вторая эльфа.

Привѣтъ.

Третья эльфа.

Привѣтъ.

Четвертая эльфа.

Привѣтъ!

Основа. Я отъ всего сердца благодарю вашу честь. Не угодно ли вашей чести сказать мнѣ свое имя?

Первая эльфа. Паутинка.

Основа. Я бы желалъ покороче съ вами познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрѣжу палець, то я возьму смѣлость прибѣгнуть къ вашей помощи. Ваше имя, честный господинъ?

Второй эльфъ. Душистый Горошекъ.

Основа. Прошу васъ поручить меня благосклонности госпожи Шелухи — вашей матушки, и господина Стручка — вашего батюшки. Любезный господинъ Душистый Горошекъ, я чрезвычайно желаю познакомиться съ вами покороче. Ваше имя, сударь?

Третій эльфъ. Горчичное Зернышко.

Основа. Любезный господинъ Горчичное Зернышко, я очень хорошо знаю ваши злоключенія. Этотъ безсовѣстный, этотъ гигантскій ростбифъ перевелъ множество благородныхъ членовъ вашего дома. Увѣряю васъ, что ваши родственники не разъ заставляли навертываться слезы на моихъ глазахъ. Я желаю познакомиться съ вами покороче, любезный господинъ Горчичное Зернышко!

Титанія.

Идите всѣ за нимъ и отведите
Его въ мою бесѣдку. Ужъ луна
На насъ смотрѣть сквозь слезы начинаетъ.
Когда она льетъ слезы, вмѣстѣ съ нею
Цвѣточекъ каждый плачетъ и скорбитъ
О чистотѣ, похищенной насильно.
Вы милаго языкъ обворожите
И въ тишинѣ въ бесѣдку отведите!
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Другая часть парка.

Входитъ Оберонъ.

Проснулась ли Титанія? Кто первый
Ея глазамъ явился, и въ кого
Она должна влюбиться до безумья?
Желалъ бы знать!

Входитъ Пукъ.

Оберонъ.

А, вотъ и мой посланникъ!
Ну, сумазбродный духъ, что новаго?
Въ лѣсу волшебномъ что насъ позабавить?

Пукъ.

Въ чудовище царица влюблена!
Когда она была погружена
Въ глубокой сонъ, то близъ ея бесѣдки,
Закрытой и священной, собралась
Толпа людей оборванныхъ и грубыхъ,
Которые трудами достаютъ
Насущный хлѣбъ въ аѳинскихъ балаганахъ.
Они пришли, чтобъ сдѣлать повторенье
Комедіи, которую хотятъ
Представить въ день супружества Тезея.
Глупѣйшій изъ всей этой глупой труппы,
Тотъ самый, что Пирама представлялъ,
Окончивъ роль, вошелъ въ лѣсную чащу.
Я въ темнотѣ послѣдовалъ за нимъ
И обратилъ пирамову башку
Въ ослиную. Онъ скоро долженъ былъ
Явиться вновь, чтобъ отвѣчать Оисби.
Вотъ мой актеръ является на сцену —
И только лишь замѣтили его
Товарищи, всѣ разомъ встrepенулись,
Какъ дикій гусь, который встрѣтилъ взоръ
Ползущаго охотника, какъ галки,
Которыя, отъ выстрѣла вспорхнувъ,
Всѣ каркаютъ и, воздухъ разсѣкая,
Летятъ спастись по разнымъ сторонамъ:
Такъ и они, увидѣвши Пирама,
Пустились спасаться, кто куда.
Всѣ падали, гдѣ я ступалъ ногою,
И, падая, кричали, что ихъ рѣжутъ
И изъ Аѳинъ къ себѣ на помощь звали...
Разсудокъ ихъ, столь слабый, потерялся

523

Въ ихъ ужасъ столь сильномъ; ложный страхъ
Способствовалъ безжизненнымъ предметамъ
Еще сильнѣй вредить имъ и пугать;
Терновникъ и шиповникъ за одежды
Хватали ихъ, при чемъ рукавъ иль шляпу
Бѣгущіе покинуть торопились.
Такъ, преданныхъ безумному ихъ страху,
Я разогналъ ихъ всѣхъ, оставя здѣсь

Прекраснаго Пирама въ превращеньи.
Межь тѣмъ, какъ я тамъ съ ними хлопоталъ,
Проснулася царица и тотчасъ же
Влюбилася до крайности въ осла.

Оберонъ.

Исполнилось все лучше, чѣмъ я думалъ.
Пустиль ли ты аѳинянину въ очи
Волшебный сокъ, какъ я тебѣ велѣлъ?

Пукъ.

Да, я его нашель, когда онъ спалъ
Недалеко отъ юной аѳинянки;
Когда же онъ проснется, то она
Его глазамъ предстанеть поневолѣ.

Входятъ Деметрій и Гермія.

Оберонъ.

Тс! замолчи! Вотъ онъ идетъ сюда!

Пукъ.

Да, дѣва та, но съ ней другой мужчина.

Деметрій.

О, для чего отталкиваешь ты
Того, кто такъ тебя безумно любить?
Смертельнаго врага ты мучай такъ,
А не меня!

Гермія.

Пока я упрекала;

Но я боюсь, чтобъ ты не заслужилъ
Не только что упрека, но проклятья!
О, если ты убилъ во время сна
Лизандера? Его облитый кровью,
Ты погрузись вполнѣ въ моей крови:
Убей меня! Нѣтъ, солнце не бывало
Такъ вѣрно дню, какъ вѣренъ былъ Лизандеръ
Своей любви! О, нѣтъ — уйдетъ ли онъ

524

Отъ Герміи уснувшей? Я повѣрю
Скорѣй тому, что скоро шаръ земной
Просверлится насквозь и что въ отверстье
Скользнетъ луна до самыхъ антиподовъ,
Чтобъ въ полдень тамъ явить свой блѣдный ликъ
И оскорбить пылающее солнце.
О, вѣрно ты Лизандера убилъ:
Ты страшень мнѣ, ты смотришь, какъ убійца!

Деметрій.

О, такъ, какъ я, убитый только смотрить!
Да, я убитъ жестокостью твоей,
А ты, мой врагъ, убійца мой прекрасный,
Горишь звѣздой плѣнительной Венеры —
Вотъ что горитъ на ясныхъ небесахъ!

Гермія.

Что общаго съ Лизандеромъ моимъ
Въ твоихъ словахъ? О, добрый мой Деметрій!
Гдѣ онъ? отдай его моей любви!

Деметрій.

Я трупъ его скорѣй отдамъ собакамъ!

Гермія.

Прочь отъ меня, прочь злобная собака!
Мою ты скромность вывелъ изъ предѣловъ.
Да, ты убилъ Лизандера! Отнынѣ
Будь исключень изъ общества людского!
Не мучь меня: вѣдь, ты убилъ его?
Прошу, скажи хотя однажды правду!
Когда бы онъ не спалъ, ты не посмѣлъ бы
Ему въ лицо взглянуть; но ты напалъ
На соннаго. Какъ храбро поступилъ ты!
Лишь гадина могла такъ поступить!
Да, ты змѣя; но и змѣѣ едва ли
Когда случалось злѣй чѣмъ ты ужалить.

Деметрій.

Ты сердишься напрасно: я невинень,
Лизандера я кровь не проливалъ
И не слыхалъ, что твой Лизандеръ умеръ.

Гермія.

Молю тебя, скажи мнѣ, что онъ живъ!

Деметрій.

Какая жъ ждетъ меня за то награда?

Гермія.

Не видѣться со мною никогда!
Присутствіе твое мнѣ ненавистно!
Живъ онъ, иль нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты
Мнѣ на глаза являлся.

(Уходитъ).

Деметрій.

Безполезно

Ее теперь преслѣдовать: она

Разсержена ужасно. Постараюсь
Здѣсь отдохнуть немножко: я усталъ.
Печаль еще становится несноснѣй,
Когда ей сонъ, должникъ неаккуратный,
Откажется уплачивать свой долгъ.
Попробую, быть можетъ, онъ уплатить
Хоть что-нибудь: здѣсь подожду его.

(Ложится и засыпаетъ).

Оберонъ.

Что сдѣлалъ ты: ты все перемѣшалъ!
Ты вѣрному любовнику влилъ соку,
И отъ твоей ошибки — посмотри:
Кто вѣрнымъ былъ, тотъ сдѣлался невѣрнымъ.

Пукъ.

Ужъ, видно, такъ устроено судьбой:
На одного, кто вѣрнымъ остается,
Есть миллионъ вздыхателей невѣрныхъ,
Тьму ложныхъ клятвъ которые даютъ!

Оберонъ.

Ну, обѣги весь лѣсъ быстрѣ вѣтра
И отыщи Елену изъ Аѳинъ.
Она больна; ея ланиты блѣдны;
Отъ вздоховъ и отъ пламенной любви
Исчезла въ ней вся свѣжесть юной крови.
Какимъ нибудь обманомъ приведи
Ее сюда, а я здѣсь очарую
Его глаза, пока она придетъ.

Пукъ *(убѣгая)*.

Бѣгу, бѣгу! Смотрите, какъ бѣгу —
Быстрѣй стрѣлы, татаринѣмъ спущенной.

Оберонъ.

(выжимая цвѣтокъ на глаза Деметрїя).

Купидономъ пораженный,
Чудный, пурпурный цвѣтокъ,
На покровъ очей смеженный
Испусти волшебный сокъ —
И имъ брошенная дѣва
Пусть блеснетъ въ его очахъ
Какъ Венера въ небесахъ!
Когда придетъ Елена, ты проснись
И всей душой въ прекрасную влюбись!

Пукъ возвращается.

Пукъ.

Толпы волшебной властелинь,
Елена близко. Вмѣстѣ съ нею

525

Идетъ аэнянинъ одинъ:
Тотъ, что ошибкою моею,
Проснувшись, сталъ ее любить —
И умоляетъ онъ Елену
Его любовь вознаградить.
Увидимъ мы смѣшную сцену.
Какъ глупы люди — погляди!

Оберонъ.

Молчи и дальше отойди;
Ихъ шумъ Деметрiя разбудить.

Пукъ.

Здѣсь разомъ два влюбленныхъ будетъ.
О, какъ забавно, какъ смѣшно!
Меня ничто не забавляетъ
Сильнѣй того, какъ заодно
Нелѣпость съ глупостью бываетъ!
Входятъ Лизандеръ и Елена.

Лизандеръ.

Ты думаешь, что я лишь насмѣхаюсь,
Твою любовь вымаливая, — нѣтъ!
Бываютъ ли насмѣшки со слезами?
Смотри, когда клянусь тебѣ — я плачу:
Мои слова рождаются въ слезахъ,
Въ ихъ истинѣ порукой ихъ рожденье.
Какъ можешь ты предполагать насмѣшку,
Когда въ глазахъ ты видишь знакъ того,
Какъ я въ моихъ словахъ чистосердечень?

Елена.

Все дальше хитрость вы свою ведете.
Какъ тяжела борьба двухъ клятвъ бываетъ,
Когда одна другую убиваетъ!
Для Гермiи храните ваши клятвы:
Онѣ — ея! откажетесь ли вы?
Попробуйте вы взвѣсить клятву клятвой —
И вѣсу въ ней не будетъ. Такъ обѣтъ,
Который вы и мнѣ, и ей даете,
Коль положить въ двѣ чашечки вѣсовъ,
То ни одна изъ нихъ не перевѣситъ:
Онѣ легки останутся, какъ сказки.

Лизандеръ .

Когда я ей клялся, разсудокъ мой
 Былъ не со мной.

Елена .

Онъ и теперь не съ вами,
 Когда отъ прежнихъ клятвъ вы отречетесь.

Лизандеръ .

Пусть Гермію Деметрій любитъ; васъ
 Не любитъ онъ.

Деметрій (*просыпаясь*).

Елена! О, богиня!

О, нимфа водъ! О, чудо совершенства!
 Съ чѣмъ я могу сравнить твои глаза?
 Съ кристалломъ? — нѣтъ, кристаллъ нечистъ и мутенъ.
 О, какъ на видъ твои созрѣли губки —
 Какъ вишенки: зачѣмъ онѣ растутъ?
 Чтобъ возбуждать желанье къ поцѣлюю.
 О, бѣлизна снѣговъ оледенѣлыхъ,
 Ласкаемыхъ восточными вѣтрами
 И покрывающихъ высокій Тавръ,
 Мнѣ кажется чернѣй пера вороны,
 Когда свою ты руку поднимаешь!
 Елена, о, позволь поцѣловать
 Ее — печать небеснаго блаженства,
 Владычицу чудесной бѣлизны!

Елена .

О, хитрость! адъ! Вы сговорились всѣ,
 Чтобъ надо мной жестоко насмѣхаться.
 О, если бы приличье знали вы —
 Вы оскорблять не стали бы такъ сильно
 Несчастную! Да, мнѣ давно извѣстно:
 Вы ненависть питаете ко мнѣ;
 Но нужно ль вамъ еще соединяться,
 Чтобъ тяжело такъ смѣяться надо мной?
 О, если бы вы были точно люди —
 Какъ кажетесь по виду — о, тогда
 Не стали бъ вы, конечно, обращаться
 Такъ съ женщиной смиренною и тихой,
 Не стали бъ мнѣ давать такъ много клятвъ
 И восхвалять достоинства мои
 До крайности, когда я вѣрно знаю,
 Что вы меня не терпите всѣмъ сердцемъ.

Соперники вы были по любви,
Соперники теперь вы по насмѣшкѣ.
Насмѣшками своими вызывать
У дѣвушки несчастной, бѣдной слезы...
Какъ доблестень, какъ храбръ поступокъ вашъ!
О, нѣтъ, въ комъ есть хоть искра благородства,
Не станеть тотъ такъ забавлять себя
И выводить бѣдняжку изъ терпѣнья!

Лизандеръ.

Деметрій, вы жестоки — перестаньте!
Вѣдь, Гермію вы любите, я знаю, —
Я отъ души и сердца моего
Передаю вамъ всѣ мои права
На Гермію, а вы мнѣ уступите
Свои права на чудную Елену,
Которую я всей душой люблю
И буду вѣкъ любить.

Елена.

О, никогда
Насмѣшники такъ нагло не смѣялись!

Деметрій.

Нѣтъ, Гермію оставь себѣ, Лизандеръ:
Она мнѣ не нужна, и если я
Ее любилъ — моя любовь прошла.
У Герміи мое гостило сердце,
Теперь — оно къ Еленѣ, какъ въ свой домъ,
Пришло назадъ навѣки поселиться!

Лизандеръ.

Не вѣрь ему, Елена!

Деметрій.

Не дерзай
Оспаривать, чего ты самъ не знаешь,
Иль дорого заплатишь ты за дерзость.

Входитъ Гермія.

Гермія.

Отнявъ у глазъ способность зорко видѣть,
Ночь мрачная усиливаетъ слухъ
И дѣлаетъ чувствительнѣе звуки.
Ночь, зрѣніе ослабивъ, награждаетъ
Насъ тѣмъ, что слухъ удваиваетъ въ насъ.
Я не глазамъ обязана, а уху
Тѣмъ, что тебя, Лизандеръ, здѣсь нашла:

Я шла сюда на голосъ твой. Жестокій,
Зачѣмъ меня оставилъ ты одну?

Лизандеръ.

А могъ ли тотъ съ тобою оставаться,
Кого любовь гнала прочь отъ тебя?

Гермія.

Какая же любовь тебя гнала
Отъ Герміи?

Лизандеръ.

Лизандера любовь!

Лизандера любовь не позволяла
Съ тобой мнѣ быть; любовь его къ Еленѣ,
Которая блеситъ во тьмѣ ночной,
Сильнѣй очей небесныхъ — чудныхъ звѣздъ!
Зачѣмъ меня ты ищешь? Не могла ли
Ты разгадать, что ненависть моя
Заставила меня тебя покинуть?

Гермія.

Не то, что думаешь, ты говоришь;
Не можетъ быть!

527

Елена.

Смотрите — и она

Къ нимъ въ заговоръ вступила. О, я вижу,
Они втроемъ здѣсь собрались затѣмъ,
Чтобъ надо мной жестоко забавляться!
Неблагодарная, коварная подруга,
Не ты ли все устроила, скажи,
Чтобы меня измучить глупой шуткой?
О, Гермія! забыла ты мечты,
Которыя дѣлили мы съ тобою,
Привязанность взаимную, часы,
Которые вдвоемъ мы проводили
И быстроту ихъ обвиняли въ томъ,
Что насъ они такъ скоро разлучали.
Ужели все забыто: наша дружба
И дѣтская невинность? Помнишь, мы
Одинъ цвѣтокъ съ тобою вышивали,
Какъ двѣ богини, по одной канвѣ;
Всегда сидѣли на одной подушкѣ,
Одну и ту же пѣсню напѣвая,
Какъ будто въ насъ и руки, и тѣла,
И голоса, и души были слиты?

О, мы росли, какъ вишенка двойная,
Что раздвоенной кажется на взглядъ,
Но связана однимъ и тѣмъ же стеблемъ.
Какъ ягодки согласныя растутъ
На стебелькѣ единомъ, такъ и мы —
Хоть съ виду были двѣ, однако сердце
Мы общее имѣли. Какъ въ гербѣ,
Хотя и есть два поля — оба поля,
Принадлежа единому щиту,
Увѣнчаны нашлемникомъ единымъ:
Такъ мы съ тобой — и прежнюю любовь,
О, Гермія, ты хочешь уничтожить!
Съ мужчинами соединилась ты,
Чтобъ надъ своей подругой насмѣяться.
Не дружескій, не дѣвственный поступокъ!
Весь женскій полъ со мною заодно
Тебя винить — повѣрь — за это будетъ,
Хоть я одна тобой оскорблена.

Гермія.

Меня твои упреки удивляютъ!
Я не смѣюсь, но кажется, что ты
Намѣрена смѣяться надо мною.

Елена.

Лизандера не ты ль уговорила,
Въ насмѣшку мнѣ, послѣдовать за мной
И восхвалять мое лицо и очи?
А твой другой возлюбленный, Деметрій,
Который такъ недавно отгонялъ
Меня ногой, не по твоей ли волѣ
Зоветь меня безцѣнной, божествомъ,
Небесною и нимфой несравненной?
Зачѣмъ бы сталъ такъ говорить онъ той,
Которую онъ сердцемъ ненавидитъ?
Зачѣмъ бы сталъ Лизандеръ отрекаться
Отъ прошлаго и отъ твоей любви,
Которая вселилась такъ глубоко
Въ его душѣ? Зачѣмъ свою любовь
Онъ предлагать мнѣ сталъ бы? Безъ сомнѣнья,
Все съ твоего согласья. Если я
Не такъ, какъ ты, прекрасна и счастлива,
И не влеку, какъ ты, къ себѣ сердцецъ,
Напротивъ же люблю — и нелюбима,
О, Гермія, несчастіе мое
Въ тебѣ вселить должно бы не презрѣнье,

А жалость.

Гермія.

Нѣтъ, не понимаю я,
Что хочешь ты сказать.

Елена.

О, притворяйся
Печальною! Прекрасно! продолжай!
О, дѣлайте гримасы и другъ другу
Подмаргивать съ улыбкой продолжайте,
Когда спиной я обращаюсь к вамъ;
Всѣ поддержать старайтесь вашу шутку:
Въ ней много есть забавнаго; она
Такъ сыграна, что перейдетъ въ потомство.
О, если бы въ васъ было сожалѣнье,
Привѣтливость иль благородство, вы
Не сдѣлали бъ меня предметомъ шутокъ!
Прощайте. Я отчасти виновата;
Но смерть или отсутствіе мое
Мою вину исправятъ очень скоро.

Лизандеръ.

Остановись и дай мнѣ оправдаться!
Моя любовь, моя душа и жизнь —
Чудесная Елена!

Елена.

Превосходно!

Гермія.

Ну, перестань, не оскорбляй ее.

Деметрій.

Когда она не можетъ упросить,
То я могу принудить.

Лизандеръ.

Ты принудить
Меня, повѣрь, не можешь, а она
Меня равно не можетъ упросить.
Повѣрь, твои угрозы не сильнѣе
Ея безсильнаго моленья. О, Елена,
Клянусь тебѣ, что я тебя люблю!
Клянусь тебѣ я жизнью — это правда!
Той жизнью, которой я готовъ

Пожертвовать, чтобъ только доказать,
Что тотъ солгалъ, кто утверждать дерзаетъ,

Что будто бы я не люблю тебя.

Деметрій.

Я говорю, что я люблю Елену,
И болѣе, чѣмъ можешь ты любить.

Лизандеръ.

О, если такъ, пойдѣмъ — и докажи мнѣ.

Деметрій.

Сейчасъ; идемъ...

Гермія (*удерживая Лизандера*).

О, что все это значить?

Лизандеръ, объясни!

Лизандеръ.

Прочь, эѳіопка!

Деметрій.

Довольно, другъ, хитритъ и притворяется!
Для виду лишь ты рвешься изъ объятій
И показать стараешься притворно,
Что хочешь вслѣдъ итти — и не пойдешь.
О, знаю я тебя: ты смиренный воинъ!

Лизандеръ (*Герміи*).

Не вѣшайся, несносная ты кошка!
Оставь меня свободнымъ, злая тварь!
Иль я тебя отброшу, какъ змѣю,
Прочь отъ себя!

Гермія.

Зачѣмъ такая строгость?

О, милый мой, что сдѣлалось съ тобой?

Лизандеръ.

Твой милый? Прочь, прочь, смуглая татарка,
Прочь, кислое лѣкарство, прочь микстура!

Гермія.

Ты шутишь?

Елена.

Да, онъ шутитъ, какъ и ты.

Лизандеръ.

Деметрій, я сдержу, что обѣщался.

Деметрій.

Посмотримъ, докажи. Я замѣчаю,
Что слабыхъ узъ довольно для того,
Чтобы тебя сдержать — и я не вѣрю

Твоимъ словамъ.

Лизандеръ.

Не хочешь ли, чтобъ я
Ее побилъ, иль ранилъ, иль до смерти
Ее убилъ? Я не хочу ей зла,
Хотя ее и ненавижу.

Гермія.

Боже,
Мнѣ ненависть твоя сильнѣй всѣхъ золъ!
Какъ — ненависть? ко мнѣ? Скажи, за что же?
О, что с тобой, мой милый? Развѣ я
Не Гермія? ты развѣ не Лизандеръ?
Не такъ ли я, какъ прежде, хороша?
Какъ, въ ту же ночь любить меня и бросить!
Да, бросилъ ты меня! О, боги, боги!
Не дайте мнѣ увѣриться, что правду
Я говорю!

Лизандеръ.

Да, правду: я клянусь
Въ томъ жизнію! Да, я тебя оставилъ
Съ намѣреньемъ не видѣть никогда;
А потому ты можешь отказаться
Отъ всѣхъ надеждъ, вопросовъ и сомнѣній.
Да, я люблю Елену, а къ тебѣ
Я ненависть питаю — и повѣрь,
Что истина все это, а не шутка.

Гермія (Еленѣ).

Обманщица! червь, спрятанный въ цвѣткѣ!
Воровка! Ты сюда прокралась ночью,
Чтобъ милаго похитить у меня.

Елена.

Какъ хорошо! Нѣтъ болѣе въ тебѣ
Ни чистоты, ни скромности дѣвичьей,
И искры нѣтъ стыда въ твоихъ поступкахъ,
Иль хочешь ты изъ устъ моихъ смиренныхъ
Потокъ укоровъ пламенныхъ извлечь?
Стыдись, дрянная кукла!

Гермія.

Кукла! Я?
Что хочешь ты сказать? А, понимаю,
Откуда ты названіе взяла!
О, я теперь все дѣло понимаю:

Она меня унижить ростомъ хочетъ,
Сравнивъ мой ростъ съ своимъ, которымъ такъ
Ты чванишься. Наружностью своею,
Высокою фигурой — знаю я —
Она его плѣнила. Неужели
Ты оттого такъ стала высоко
Въ его любви? Ужель я такъ мала?
Ну, отвѣчай, раскрашенная жердь!
Уже-ль я такъ мала? О, нѣтъ, не думай!
Нѣтъ, я не такъ мала, чтобъ не достать
До глазъ твоихъ ногтями.

529

Е л е н а .

Господа,

Хотя и вы смѣтаетесь надо мною,
Но я прошу васъ — не давайте ей
Вредить мнѣ. Я совсемъ не зла — повѣрьте,
И ссориться привычки не имѣю.
По робости, я дѣвушка вполнѣ;
Меня побить ее не допускайте.
Не думайте, чтобъ я могла найти
Въ самой себѣ отъ Герміи защиту,
Хотя она и меньше.

Г е р м і я .

Какъ! Опять

Ты говоришь о ростѣ!

Е л е н а .

Не сердись,

О, Гермія! Не будь ко мнѣ жестока!
Ты помнишь, вѣдь, къ тебѣ всегда любовь
Питала я и тайны всѣ твои
Хранила вѣкъ. Я предъ тобой чиста!
Теперь въ одномъ я только провинилась,
Что, изъ любви къ Деметрію, сказала,
Что вы ушли тихонько въ этотъ лѣсъ.
Деметрій мой послѣдовалъ за вами,
А я за нимъ любовью увлеклась;
Но, оттолкнувъ, онъ угрожалъ меня
Прибить, прогнать, ногами растоптать
Или убить. Теперь, когда хотите
Меня домой пустить, я отнесу
Въ Аѳины страсть безумную обратно
И болѣе не буду вамъ мѣшать.

Позвольте же теперь мнѣ удалиться.
Вы видите, какъ я проста, глупа.

Гермія.
Ну, что жъ тебя удерживаетъ?

Елена.
Сердце,
Которое я оставляю здѣсь.

Гермія.
Съ Лизандеромъ?

Елена.
Съ Деметріемъ.

Лизандеръ.
Елена,
Она тебѣ не смѣетъ сдѣлать зла:
Ты можешь быть покойна.

Деметрій.
О, конечно!
Хотя бъ и ты соединился съ ней —
Вы сдѣлать зла не смѣете Еленѣ.

Елена.
Когда она разсердится, ужасно
Бываетъ зла. Еще какъ были въ школѣ —
Она была драчуньей. Я боюсь,
Хотя она мала.

Гермія.
Опять "мала" —
Опять меня ты ростомъ попрекаешь!
Дозволите ль меня такъ оскорблять?
Пустите къ ней!

Лизандеръ.
Прочь, карлица, прочь, крошка,
Зачатая на маточной травѣ!
Прочь, брусника! прочь, желудь!

Деметрій.
Ну, Лизандеръ,
Не слишкомъ ли услужливъ ты для той,
Которая услугъ твоихъ не просить?
Оставь ее, не говори о ней,
Не защищай Елены. Если смѣешь
Ты оказать хоть каплю къ ней любви,
Ты дорого заплатишь!

Лизандеръ.

Я свободень:

Она меня не держитъ. Ну, теперь
Иди за мной скорѣе, если смѣешь.
Кто больше правъ имѣеть на Елену —
Увидимъ.

Деметрій.

Какъ? Мнѣ за тобой итти?

Я предъ собой тебѣ не дамъ ни шага?

(Деметрій и Лизандеръ уходятъ).

Гермія.

И вы однѣ, сударыня, причиной
Всѣхъ этихъ неприятностей. Куда?
Останьтесь здѣсь!

Елена.

Я вамъ не довѣряю,

И съ вами здѣсь остаться не хочу.
Когда дойдетъ до драки, ваши руки
Быстрѣй моихъ; но ноги у меня,
Чтобы бѣжать, длиннѣй гораздо вашихъ.

(Убѣгаетъ).

Гермія.

Не нахожусь, не знаю, что сказать!

(Бѣжитъ за Еленой).

Оберонъ.

Вотъ слѣдствія оплошности твоей!

530

И всякій разъ ты промахи творишь
Иль просто ты умышленно плутуешь.

Пукъ.

Ошибся я — повѣрь мнѣ, царь тѣней!
Не ты ли мнѣ сказалъ, что по костюму
Аѳинскому узнаю я того,
Кого ищу? И, право, мой поступокъ
Не заслужилъ упрековъ! Развѣ я
Не покропилъ аѳинянина очи?
Отчасти я ошибкѣ даже радъ:
Ихъ ссора намъ доставила забаву.

Оберонъ.

Соперники, однако, ищутъ мѣста,
Чтобъ драться. Ну, ступай скорѣе, Робинъ,

Спѣши, удвой тьму ночи; звѣздный сводъ
Покрой густымъ туманомъ, столь же мрачнымъ,
Какъ Ахеронъ, и разведи сейчасъ
Двухъ вспылчивыхъ соперниковъ, но такъ,
Чтобы одинъ не могъ другого встрѣтить:
То голосомъ Лизандера дразни
Дементія язвительной насмѣшкой;
То голосомъ Дементія серди
Лизандера — и такъ ихъ другъ отъ друга
Удерживай до той поры, пока
На ихъ чело сонъ, раздражитель смерти,
Надвинется свинцовою стопой
И ихъ своимъ крыломъ нетопыринымъ
Прикроетъ. Ты пусти тогда въ глаза
Лизандеру сокъ этой чудной травки:
Въ ней свойство есть въ глазахъ уничтожить
Постигшій ихъ обманъ или ослѣпленье
И прежнюю способность возвращать.
Когда они проснутся, эта шутка
Покажется имъ сномъ, пустымъ видѣньемъ,
Соперники въ Аѳины возвратятся,
И свяжутъ ихъ сердца такія узы,
Которыя разрушить только смерть.
Ступай — пока исполни это дѣло,
А я пойду къ царицѣ, и у ней
Я выпрошу индѣйскаго ребенка.
Потомъ сниму я съ глазъ ея тѣ чары,
Которыми прикована она
Къ чудовищу — и всюду водворится
Спокойствіе.

Пукъ.

О, повелитель эльфовъ,
Намъ слѣдуетъ, однако, поспѣшить.
Ужъ облака драконы черной ночи
Всею силою стремятся разсѣкать,
Ужъ тамъ блеститъ предвѣстница Авроры,
И, чувствуя, что скоро будетъ свѣтъ,
Спѣшатъ толпой блуждающія тѣни
На кладбище. Всѣ проклятыя души,
Которыя могилу обрѣли
Въ волнахъ или на дорогахъ перекрестныхъ,
Ужъ улеглись на ложа изъ червей,
Страшась, чтобъ день ихъ страшнаго позора
Не озарилъ, отъ радостнаго дня

Они себя изгнали добровольно
И тьмѣ ночей навѣки обреклись.

Оберонъ.

Но мы съ тобой другого рода духи:
Съ поклонникомъ Авроры мнѣ не разъ
Случалось въ лѣсу здѣсь забавляться.
Я обѣгалъ съ нимъ рощи, какъ лѣсничій,
До той поры, пока врата Востока,
Всѣ красные, какъ будто бы въ огнѣ,
Разверзнувшись широко, начинали
Свои лучи въ Нептуна погружать
И покрывать чудесно-желтымъ златомъ
Соленыя, зеленыя струи.
Но поспѣши, однако, и не мѣшкой —
До утра мы успѣемъ кончить все.

(Уходитъ).

Пукъ.

И сюда и туда, и туда и сюда,
Я ихъ всѣхъ поведу и сюда и туда.
Не деревни однѣ, но и всѣ города,
Всѣ боятся меня, всѣмъ я страшенъ всегда.
Ну, шалунъ, поводи ихъ туда и сюда!
А, вотъ одинъ!

Входитъ Лизандеръ.

Лизандеръ.

Ну, гдѣ же ты, Деметрій?
Надменный, гдѣ ты — говори?

Пукъ.

Я здѣсь!

А, негодяй! Къ оружью, защищайся!
Гдѣ ты?

Лизандеръ.

Я здѣсь! Сейчасъ найду тебя.

Пукъ.

Иди сюда: здѣсь поровнѣ мѣсто!

(Лизандеръ уходитъ, слѣдуя за голосомъ).

Входитъ Деметрій.

Деметрій.

Лизандеръ, трусь! Ну, говори опять!
Бѣглець! Ушелъ! Въ кустарникъ ты, что ли?

Пукъ .

Трусъ!

Ты лишь во тѣмѣ храбришься предъ звѣздами,
Кричишь кустамъ, что время бой начать,
А самъ нейдешь. Иди сюда, трусь подлый,
Молокосось! Я розгою тебя
Здѣсь высѣку; меча же не унижу:
Противъ тебя не обнажу его!

Деметрій .

Да гдѣ же ты?

Пукъ .

Иди за мной, на голосъ:

Удобнѣе здѣсь храбрость испытать.

(Уходятъ).

Лизандеръ возвращается.

Лизандеръ .

Онъ отъ меня бѣжить и вызываетъ
Меня на бой. Когда я прихожу
На тѣ мѣста, куда меня онъ кличетъ,
Его тамъ нѣтъ. Да, этотъ негодяй
Быстрѣй меня. Хоть я довольно скоро
Гнался за нимъ, но онъ еще скорѣй
Бѣжалъ, чтобъ я не могъ его настичь.
Гнался, гнался и, наконецъ, попалъ
На темную, неровную дорогу.
Останусь здѣсь. Приди скорѣе, день!
(Ложится).

Лишь только ты блеснешь передо мною
Своимъ сѣдымъ лучомъ, я отыщу
Деметрія и отомщу обиду. *(Засыпаетъ).*

Пукъ и Деметрій возвращаются.

Пукъ .

Го-го-го-го! Трусъ! что же ты нейдешь?

Деметрій .

Дождись меня, когда дождаться смѣешь.
О, знаю я — ты отъ меня бѣжишь
И лишь мѣста мѣняешь безпрестанно,
Ни на одномъ не смѣя оставаться,

Чтобъ прямо мнѣ въ лицо взглянуть. Гдѣ ты?

Пукъ.

Поди сюда! я здѣсь.

Де метрій.

Ты надо мной смѣешься,

Но дорого заплатишь ты за то,

Когда тебя при свѣтѣ дня я встрѣчу.

Теперь ступай дорогою своей.

Я вынужденъ усталостью измѣрить

Всѣмъ корпусомъ холодную постель.

Лишь только день настанетъ — жди меня!

(Ложится и засыпаетъ).

Входитъ Елена.

Елена.

Ночь скучная, меня ты утомила!

Ночь длинная, убавь свои часы!

О, заблести скорѣе на востокъ,

Отраднѣе день! При чудномъ свѣтѣ дня

Я возвращусь въ Аѳины и оставлю

Тѣхъ, для кого присутствіе мое

Несносно такъ! Ты, благодатнѣе сонъ,

Смежающій порой глаза страданью,

О, помоги забыться хоть на мигъ!

(Ложится и засыпаетъ).

Пукъ.

Только трое ихъ покуда;

Пусть еще придетъ одна —

По два будь обоихъ половъ —

И четыре — всѣ сполна!

Вотъ она идетъ, бѣдняжка:

Какъ сердита, какъ грустна!

Купидонъ большой проказникъ:

Можно ль женщинъ такъ крушить?

Можно ль ихъ съ ума сводить?

Входитъ Гермія.

Гермія.

О, никогда я такъ не уставала

И никогда несчастнѣе не была!

Изорвана я вся колючимъ терномъ,

Измочена росой — и не могу

Ни двигаться, ни продолжать пути.

У ногъ моихъ нѣтъ силы покоряться

Желаніямъ моимъ. Останусь здѣсь
И отдохну, пока день загорится.
О, ежели сразиться должно имъ,
Пусть небеса Лизандеру помогутъ!
(Ложится и засыпаетъ).

Пукъ (подходя къ Лизандеру).
Спи, влюбленный, спи,
Спи глубокимъ сномъ:
Я глаза твои
Излѣчу цвѣткомъ!

(Выжимаетъ цвѣтокъ надъ Лизандеромъ).

И въ минуту пробужденья
Снова будешь ты имѣть
Въ полной мѣрѣ наслажденье —
Прежде милому творенью
Въ очи милыя глядѣть!
И надъ вами совершится,
Что въ народѣ говорится:
Всякъ будь царь своихъ владѣній;
Джонъ свою получитъ Дженни;
Все пойдетъ своимъ путемъ;
Будутъ всѣ съ своимъ конькомъ;
Все окончится добромъ! (Уходитъ).

532

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же.

Деметрій, Елена, Лизандеръ и Гермія спятъ.

Входятъ Титанія со свитой и Основа.
Оберонъ наблюдаетъ за ними издали.

Титанія.

Поди, садись на ложѣ изъ цвѣтовъ!
Дай поласкать прекрасныя ланиты,
Дай розами убрать твою головку,
Столь мягкую, столь гладкую, позволь
Поцѣловать твои большія уши.
О, милый другъ!

Основа. Гдѣ Душистый Горошекъ?

Душистый Горошекъ. Здѣсь.

Основа. Почешите у меня въ головѣ, Душистый Горошекъ. Гдѣ госпожа Паутинка?

Паутинка. Здѣсь.

Основа. Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите въ руки ваше оружіе и убейте мнѣ эту красноногую

533

дикую пчелку, что сидитъ на вершинѣ этого волчеца, и затѣмъ, любезная госпожа Паутинка, принесите мнѣ ее медовый мѣшочекъ. Только не слишкомъ усердствуйте въ этомъ дѣлѣ, госпожа Паутинка, чтобы медовый мѣшочекъ не лопнулъ: мнѣ было бы непріятно увидѣть васъ, сударыня, обливаю медомъ. Гдѣ господинъ Горчичное Зернышко?

Горчичное Зернышко. Здѣсь.

Основа. Дайте мнѣ вашу лапку, господинъ Горчичное Зернышко! Сдѣлайте одолженіе, перестаньте церемониться, любезный господинъ!

Горчичное Зернышко. Что вамъ угодно?

Основа. Ничего, любезный господинъ; помогите, однако, госпожѣ Паутинкѣ почесать у меня въ головѣ. Надо мнѣ сходить къ цирюльнику, любезный господинъ, а то, кажется мнѣ, я слишкомъ обросъ волосами на лицѣ. Я такой чувствительный осель, что если чуть защекочетъ меня волосъ, то я долженъ чесаться.

Титанія.

Не хочешь ли ты музыки послушать,

Основа. Да, у меня довольно хорошее ухо для музыки. Сыграйте-ка что-нибудь на варганѣ.

Титанія.

Не хочешь ли покушать ты чего?

Основа. Въ самомъ дѣлѣ! Я бы поѣлъ, я бы охотно поглоталъ хорошаго, сухого овсеца. Мнѣ кажется, что я имѣю также большое влеченіе къ вязанкѣ сѣна. Хорошее, сочное сѣно! что можетъ съ нимъ сравниться?

Титанія.

Есть у меня проворный эльфъ въ услугахъ.

У бѣлочка отыщеть онъ запасъ

И принесетъ тебѣ орѣховъ свѣжихъ.

Основа. Я бы предпочелъ горсть или двѣ сухого гороху. Но сдѣлайте одолженіе, прикажите вашему народу оставить меня въ покоѣ. Я чувствую, что-то меня начинаетъ клонить ко сну.

Титанія.

Спи; вокругъ тебя я обовьюсь руками!

(Обнимаетъ Основу).

Вы, эльфы, всѣ ступайте по мѣстамъ.

(Эльфы уходятъ).

Такъ жимолость иль сладкій каприфолій
Высокій вязъ съ любовью обвиваютъ;
Такъ нѣжный плющъ кольцами огибаетъ
Покрытые корою пальцы вяза.
О, я тебя люблю, боготворю!
(Титанія и Основа, обнявшись, засыпаютъ).

Входитъ Пукъ.

Оберонъ *(приближаясь)*

А, мой Робинъ, здорово! Полюбуйся
На зрѣлище прекрасное. Во мнѣ,
Я признаюсь, рождаться начинаетъ
Къ безумію царицы состраданье.
За лѣсомъ съ ней я встрѣтился сейчасъ,
Когда она собирала благовонья
Для этого презрѣннаго болвана.
Я тамъ ее порядкомъ пожурилъ.
Вѣнками изъ цвѣтовъ пахучихъ, свѣжихъ
Она его власатые виски
Придумала украсить — и росинки,
Которыя гордились недавно
Тѣмъ, что блестятъ роскошно на цвѣтахъ,
Какъ круглыя жемчужины Востока,
Теперь лежатъ въ глазахъ цвѣтковъ, какъ слезы,
Которыя принуждены свой срамъ
Оплакивать. Когда я посмѣялся
Надъ нею вдоволь и когда она
Просить меня съ покорностію стала,
Чтобъ я ее простилъ, я у нея
Потребовалъ индійскаго ребенка.
Она его мнѣ тотчасъ уступила
И эльфу приказала отнести
Его въ мою волшебную бесѣдку.
Теперь онъ мой, и съ глазъ моей царицы
Я слѣпоту презрѣнную сниму.
Ты, милый Пукъ, аѳинскаго невѣжду
Отъ головы искусственной избавь.
Проснувшись, пусть воротится съ другими
Въ Аѳины онъ, и тамъ пускай они
Припоминаютъ всѣ объ этой ночи
Не иначе, какъ о видѣньяхъ сна.
Но прежде надо снять съ царицы чары.
(Выжимаетъ цвѣтокъ на глаза Титаніи).

Будь, чѣмъ ты всегда была,
Видь, какъ видѣла ты прежде!
Сокъ Діанина ростка
Уничтожитъ въ мигъ всю силу
Купидонова цвѣтка.

Теперь, моя Титанія, проснись!
Проснись, моя любезная царица!

Титанія (*просыпаясь*).

Мой Оберонъ, какія сновидѣнья
Имѣла я! Сейчасъ казалось мнѣ,
Что будто-бы я влюблена въ осла.

534

Оберонъ.

Вотъ здѣсь лежитъ твой милый.

Титанія.

Какъ все это
Могло случиться? О, какъ нестерпимо
Смотрѣть глазамъ на эту образину!

Оберонъ.

Молчанье на минуту! Ну, Робинъ,
Избавь его отъ этой головы.
Титанія, пусть музыка играетъ,
Пускай сильнѣй, чѣмъ сонъ обыкновенный,
Всѣхъ пятерыхъ она здѣсь усыпитъ.

Титанія.

Эй, музыка! эй, музыка, сюда!
Скорѣй играй и очаруй здѣсь спящихъ!
Пукъ (*снимая ослиную голову съ Основы*).
По прежнему, проснувшись, ты гляди
Своими глупыми глазами!

Оберонъ.

Ну, музыка, играй! (*Раздается тихая и
мелодичная музыка*). Моя царица,
Возьмемся за руки съ тобой и землю
Подъ спящими заставимъ трепетать.
Теперь опять мы въ дружбѣ. Завтра въ полночь
Торжественно мы будемъ танцовать
У герцога Тезея въ пышномъ замкѣ —
И мы его наполнимъ мирнымъ счастьемъ.
Любовниковъ двѣ вѣрныя четы
Тамъ женятся съ Тезеемъ въ то же время —
И будутъ всѣ счастливы и довольны.

Пукъ .

Властитель, скоро разсвѣтетъ:
Ужъ, рѣя, жавронокъ поеть!

Оберонъ .

Мы вслѣдъ за ночью полетимъ,
Среди священной тишины,
Быстрѣй блуждающей луны.

Тиганія .

Летѣть съ тобой готова я;
Ты жъ мнѣ расскажешь, какъ случилось,
Что ночью здѣсь уснула я
И вдругъ средь смертныхъ очутилась.

(Исчезаютъ).

(Слышны за сценой крики охотниковъ).

Входятъ Тезей, Ипполита, Егей и свита.

Тезей .

Одинъ изъ васъ пусть сходитъ отыскать
Лѣсничаго. Теперь обряды наши
Окончены. Но такъ какъ мы еще
Въ началѣ дня, то милая моя
Моихъ собакъ музыку будетъ слышать.
Спустите ихъ всѣхъ къ западной равнинѣ.
Скорѣе! Я сказалъ, чтобы нашли
Лѣсничаго. А мы съ тобой, царица
Прекрасная, пойдемъ на эту гору
И будемъ тамъ свободнѣе внимать
Чудесному смѣшенью голосовъ
Моихъ собакъ и эха.

Ипполита .

Помню я,

При мнѣ однажды Геркулесь и Кадмъ
Спартанскими собаками травили
Медвѣдя въ Критскомъ лѣсѣ. Никогда
Пріятнѣе я звуковъ не слыхала.
Повѣришь ли, не только что кусты,
Но небеса, окрестности, ручьи
Звучали всѣ единымъ, общимъ крикомъ.
Да, никогда не слыхивала я
Такого музыкальнаго разлада,
Такого усладительнаго шума!

Тезей .

Но и мои къ спартанской же породѣ

Принадлежать: и у моихъ собакъ
Большая пасть и шерсти цвѣтъ песочный;
На головахъ ихъ уши такъ висятъ,
Что ими даже утреннюю росу
Онѣ сметають; выгнуты ихъ ноги,
Подгрудки же у нихъ, какъ у быковъ
Θессалии. И если на угонку
Онѣ не такъ-то быстры, ужъ зато
Имъ голоса подобраны другъ къ другу,
Какъ колокольчики. О, никогда
Въ Θессалии, иль въ Спартѣ, иль на Критѣ
Охотничьи рога не возбуждали
Собой собакъ, столь сильно сладкозвучныхъ!
Суди сама, когда услышишь ихъ.
Но тише! Тс! Что это здѣсь за нимфы?

Еге й.

Мой государь, да это дочь моя,
А здѣсь лежитъ Лизандеръ; вотъ Деметрій,
А съ ними и Елена, дочь Недара.
Я удивлень, что нахожу ихъ здѣсь
Всѣхъ вмѣстѣ.

Тезей.

Да, они такъ рано встали,
Чтобъ майскіе обряды совершить.
Услышавъ о намѣреніи нашемъ,
Они пришли сюда, чтобъ съ нами вмѣстѣ
Здѣсь праздновать. Скажи-ка мнѣ, Егей,
Не нынче ли срокъ Герміи назначень?
Дай свой отвѣтъ.

Егей.

Такъ точно, государь.

Тезей.

Поди, скажи, чтобъ звуками роговъ
Охотники ихъ тотчасъ разбудили.

*(За сценою раздаются звуки охотничьихъ роговъ и крики.
Деметрій, Лизандеръ, Гермія и Елена просыпаются и вскакиваютъ).*

А, здравствуйте, друзья! Ночь Валентина
Уже прошла; а вы, лѣсныя птички,
Лишь начали, никакъ, слетаться вмѣстѣ?

Лизандеръ.

Простите, государь! *(Лизандеръ и прочіе
становятся на колья передъ Тезеемъ).*

Тезей.

Прошу всѣхъ встать.

Я знаю, что соперники вы двое:
Откуда же согласіе такое
Между двумя врагами? Отчего
Такъ ненависть отъ страха далека,
Что съ ненавистью спить и не боится,
Что духъ вражды надъ ними?

Лизандеръ.

Государь!

Я нахожусь въ какомъ-то полуснѣ
И отвѣчать вамъ буду съ удивленьемъ.
Но я клянусь, что не могу сказать вамъ
Съ подробностью, какъ я попалъ сюда.
Какъ кажется — желалъ бы вамъ сказать
Всю истину — теперь припоминаю,
Какъ это все случилось... точно такъ!
Я съ Гермией пришелъ сюда: хотѣли
Мы изъ Аѳинъ бѣжать, чтобъ скрыть себя
Отъ строгости аѳинскаго закона.

Егей.

Довольно, о, довольно! Государь,
Вы слышали довольно. Я зову
Законъ, законъ на головы виновныхъ.
Они бѣжать хотѣли. О, Деметрій,
Они чрезъ то хотѣли насъ лишить:
Тебя — жены, меня — законной воли
Женить тебя на дочери моей!

Деметрій.

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мнѣ намѣреніе ихъ
Бѣжать и здѣсь пока въ лѣсу укрыться.
Я, въ бѣшенствѣ, послѣдовалъ за ними;
Прекрасную жъ Елену повлекла
За мной любовь. Но, добрый государь,
Не знаю я, какой чудесной силой —
А сила здѣсь какая-то была —
Вдругъ къ Гермии любовь моя исчезла,
Растаяла внезапно, будто снѣгъ —
И я теперь о ней припоминаю,
Какъ о пустой игрушкѣ, о которой
Безумствовалъ я въ дѣтствѣ. Вся любовь
И все, что есть святого въ этомъ сердцѣ,

Принадлежитъ теперь одной Еленѣ;
Она одна — предметъ и радость глазъ!
Съ ней, государь, я сговоренъ былъ прежде,
Чѣмъ увидалъ я Гермію; потомъ,
Какъ будто бы в болѣзни, эта пища
Мнѣ сдѣлалась несносною; теперь же
Я, какъ больной въ своемъ выздоровленьи,
Вновь получилъ естественный мой вкусъ.
Теперь ее люблю, ее ищу,
Теперь о ней вздыхаю и хочу
Я вѣрнымъ ей остаться до могилы!

Тезей.

Прекрасныя четы, я счастливъ,
Что встрѣтилъ васъ. Но послѣ обо всемъ
Разскажете вы намъ. Тебѣ, Егей,
Придется подчиниться нашей волѣ.
Пусть съ нами вмѣстѣ эти двѣ четы
Въ одномъ навѣкъ соединятся храмъ.
Но утро ужъ почти прошло, и мы
Намѣренье охотиться отложимъ.
Отправимся въ Аѳины. Три и три!
О, праздникъ нашъ великолѣпный будетъ!
Пойдемъ же, Ипполита!
(Тезей, Ипполита, Егей и свита уходятъ).

Деметрій.

Это все

Мнѣ кажется столь блѣднымъ и неяснымъ,
Какъ абрисъ горъ, столь сходныхъ съ облаками.

Гермія.

Мнѣ кажется, что я на все смотрю
Раздѣльными глазами: предо мною
Двоится все.

Елена.

Я то же ощущаю:

Мнѣ кажется, что будто я нашла
Деметрія, какъ камень дорогой,
Который мой, а вмѣстѣ и не мой!

Деметрій.

Я думаю, что мы всѣ спимъ и бредимъ.
Но не былъ ли здѣсь герцогъ? За собой
Онъ намъ итти не приказалъ ли?

Гермія.

Да,

И мой отецъ былъ съ нимъ.

537

Елена.

И Ипполита.

Лизандеръ.

Онъ намъ велѣлъ итти за нимъ во храмъ.

Деметрій.

Такъ, стало, мы не спимъ! И такъ пойдѣмте
За герцогомъ скорѣе и расскажемъ
Дорогою другъ другу наши сны. (*Уходятъ*).

Основа (*просыпаясь*). Когда придетъ моя очередь, позовите меня — и я буду отвѣчать. Мнѣ надо говорить тотчасъ послѣ этихъ словъ: "*мой прекраснѣйшій Пирамъ!*" Эй! го-го! Питеръ Пигва! Флейта — продавецъ раздувальныхъ мѣховъ! Рыло — мѣдникъ! Выдра! Господи помилуй! они всѣ улизнули и оставили меня спящимъ. Я видѣлъ престранный сонъ. Я видѣлъ сонъ... не достанетъ человѣческаго ума, чтобъ рассказать, какой это былъ сонъ. Осель тотъ человѣкъ, который пустится объяснять этотъ сонъ. Мнѣ казалось, что я былъ... Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что мнѣ казалось! Мнѣ казалось, что я былъ... мнѣ казалось, что я имѣлъ... но былъ бы пестрымъ шуткомъ тотъ человѣкъ, который бы осмѣлился сказать, что мнѣ казалось! Глазъ человѣческой не слыхалъ, ухо человѣческое не видало, рука человѣческая не способна вкусить, языкъ человѣческой не способенъ понять, а сердце человѣческое не способно выразить, что такое былъ мой сонъ! Я попрошу Питера Пигву написать балладу изъ этого сна. Эту балладу назовутъ "Сномъ Основы", потому что въ этомъ снѣ нѣтъ никакой основы. Я пропою эту балладу передъ герцогомъ, въ самомъ концѣ пьесы. Можетъ быть, чтобы придать ей болѣе пріятности, я пропою ее тотчасъ послѣ смерти Эисби. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната въ домѣ Пигвы.

Входятъ Пигва, Флейта, Рыло и Выдра.

Пигва. Послали ли въ домъ Основы? воротился ли онъ домой?

Выдра. О немъ нѣтъ и слуху. Безъ сомнѣнія, онъ околдованъ.

Флейта. Если онъ не воротится, то наша пьеса пропала. Безъ него она не можетъ итти — не правда ли?

Пигва. Невозможно! Кромѣ него у васъ нѣтъ во всѣхъ Аѳинахъ человѣка, который былъ бы способенъ взять на себя роль Пирама.

Флейта. Нѣтъ; онъ, просто на просто, самый сильный умъ изъ всѣхъ аѳинскихъ мастеровыхъ.

Пигва. Да — и вмѣстѣ самый красивый мужчина. Онъ истинный любовникъ по своему пріятному голосу.

Флейта. Вы бы должны были сказать: истинный образчикъ совершенства. Любовникъ! Боже насъ упаси! Это самая ничтожная вещь!

Входитъ Буравъ.

Буравъ. Господа, герцогъ возвращается изъ храма: тамъ же обвѣнчаны два или три кавалера, двѣ или три

538

дамы. Если наша пьеса пойдетъ, наше счастье у насъ въ рукахъ!

Флейта. О, мой любезный крикунъ-Основа! это навсегда лишаетъ тебя шести пенсовъ въ день. Онъ непременно получилъ бы шесть пенсовъ въ день. Я хочу быть повѣшенъ, если бы герцогъ не назначилъ ему по шесть пенсовъ въ день за то, что онъ сыгралъ роль Пирама — и онъ бы заслужилъ ихъ. Шесть пенсовъ въ день за Пирама или ничего!

Входитъ Основа.

Основа. Гдѣ они, мои молодчики? гдѣ они, мои милые?

Пигва. Основа! О торжественнѣйшій день! о счастливѣйшій часъ!

Основа. Господа, я могу рассказать вамъ чудеса, но не спрашивайте у меня, какія чудеса, потому что если я вамъ расскажу, то я не буду истинный аѳинянинъ. Я расскажу вамъ все точь-въ-точь, какъ случилось.

Пигва. Говори, говори, любезный Основа!

Основа. Ни слова обо мнѣ. Все, что я скажу вамъ теперь, это — что герцогъ откушалъ. Надѣвайте ваши костюмы, привяжите хорошія шнурки къ вашимъ бородамъ и новыя ленты къ вашимъ башмакамъ. Сейчасъ отправляйтесь во дворецъ. Пусть всякій заглянетъ хорошенько въ свою роль, ибо — коротко и ясно — наша пьеса будетъ представлена. Пусть Эисби, на всякій случай, надѣнетъ чистое бѣлье; да не позволяйте тому, кто долженъ представлять льва, грызть свои ногти; пусть онъ выставитъ ихъ, какъ львиные когти! Да еще, возлюбленные актеры, не кушайте луку или чесноку, потому что дыханіе наше должно быть пріятно. Я не сомнѣваюсь, что мы услышимъ похвалы нашей комедіи. Ни слова болѣе. Отправляемся! Маршъ! (*Всѣ уходятъ*).

539

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ Тезей, Ипполита, Филостратъ, придворные и свита.

Ипполита.

Какъ странны, мой Тезей, рассказы ихъ!

Тезей.

Да, странностей въ разсказахъ этихъ больше,
Чѣмъ истины. Но не повѣрю я
Волшебнымъ глупостямъ и старымъ баснямъ.
Влюбленные, равно какъ и безумцы,
Имѣютъ всѣ такой кипучій мозгъ,
Столь странныя фантазіи, что часто
Имъ кажется за истину такое,
Чего никакъ смыслъ здравый не пойметъ.
Безумный, и влюбленный, и поэтъ
Составлены всѣ изъ воображенья.
Одинъ — и это сумасшедшій — видитъ
Вокругъ себя такую тьму чертей,
Что не вмѣстилъ бы ихъ и адъ обширный;
А кто влюбленъ — такой же сумасшедшій —
Тотъ на челѣ цыганки смуглой зреть
Елены красоту; поэта взоръ,
Пылающій безуміемъ чудеснымъ,
То на землю, блистая, упадаетъ,
То отъ земли стремится къ небесамъ.
Потомъ, пока его воображенье
Безвѣстные предметы облакаетъ
Въ одежду формъ, поэтъ своимъ перомъ

540

Торжественно ихъ всѣ осуществляетъ
И своему воздушному *ничто*
Жилище онъ и мѣсто назначаетъ.
Да, сильное воображенье часто
Проказитъ такъ, что ежели оно
Помыслитъ лишь о радости — тотчасъ же
Передъ собой оно какъ будто видитъ
И вѣстника той радости; а ночью
Оно въ себѣ рождаетъ ложный страхъ
И кустъ легко медвѣдемъ почитаетъ.

Ипполита.

Однако, въ ихъ разсказахъ обо всемъ,
Что въ эту ночь случилось, въ превращеньи
Ихъ умственныхъ способностей и чувствъ,
Есть не одна игра воображенья.
Хоть это все достойно удивленья.
Но къ истинѣ подходитъ очень близко.

Входятъ Лизандеръ, Деметрій, Гермія и Елена.

Тезей.

А, вотъ идутъ и самыя четы! Какъ полны
Веселія и радости онѣ!
Мои друзья, пускай любовь и радость
Сопутствуютъ вамъ въ жизни.

Лизандеръ.

Государь!

Пусть болѣе, чѣмъ намъ, утѣхи, радость
Сопутствуютъ вамъ въ царственныхъ прогулкахъ,
И за столомъ, и въ свѣтлыхъ сновидѣньяхъ!

Тезей.

Посмотримъ-ка, какія развлеченья
И пляски намъ предложить Филостратъ,
Чтобы убить трехчасовую вѣчность
Межъужиномъ и часомъ спать ложиться?
Но гдѣ же онъ, нашъ учредитель празднествъ?
Что въ этотъ день намъ приготовилъ онъ?
Комедіей какой-нибудь нельзя ли
Тоску часовъ тяжелыхъ облегчить?
Гдѣ Филостратъ?

Филостратъ.

Я здѣсь, Тезей могучій!

Тезей.

Скажи скорѣй, веселости какія
Ты нынче вечеромъ предложишь намъ:
Комедію ль, иль музыку какую?
Какъ обмануть лѣнивые часы,
Когда у насъ не будетъ развлеченій?

Филостратъ.

Вотъ списокъ приготовленныхъ забавъ.
Что будетъ, государь, тебѣ угодно
Изъ нихъ избрать? съ чего велеть начать?

(Подаетъ бумагу).

Тезей *(читаетъ)*.

"Сраженіе кентавровъ. Будетъ пѣть
"Аѳинскій евнухъ и играть на арфѣ".
Не нужно. Я рассказывалъ объ этомъ
Моей женѣ, во славу Геркулеса.
"Какъ пьяныя вакханки растерзали
Въ часъ бѣшенства фригійскаго пѣвца".
Старо — и я ужъ это слышалъ разъ,

Когда изъ Фивъ съ побѣдой возвратился.
"Скорбь трижды трехъ прекрасныхъ музъ о смерти,
Постигнувшей науку въ нищетѣ".
Презлая тутъ и тонкая сатира:
На брачномъ торжествѣ ей мѣста нѣтъ!
"Грустная, краткая сцена Пирама,
Истинно траги-веселая драма".
Траги-веселая и грустная при томъ,
И краткая! Да это ледъ горячій
И твердый снѣгъ! Ну, какъ согласовать
Всѣ эти несогласья?

Филостратъ.

Государь,
Во всей пьесѣ этой, можетъ быть,
Какихъ-нибудь словъ десять. Я не знаю
Другой пьесы столь короткой; но,
Мой государь, и эти десять словъ
Въ ней лишнія. Вотъ отчего она
И краткая, и грустная пьеса.
Въ ней слова нѣтъ на мѣсте; нѣтъ актера,
Хоть крошечку способнаго. Она
Трагической пьесой названа
Лишь потому, что въ ней лишаетъ жизни
Себя Пирамъ; но, признаюсь, когда
Я видѣлъ репетицію пьесы,
Глаза мои слезами наводнялись,
И громкій смѣхъ едва ли заставлялъ
Когданибудь лить слезы веселѣе.

Тезей.

А кто жъ актерами?

Филостратъ.

Мастеровые,
Которые мозольными руками
Работаютъ въ Афинахъ. Въ первый разъ
Сегодня умъ ихъ въ дѣйстви: они
Неопытную память нагрузили
Въ день вашего супружества пьесой.

Тезей.

И мы ее услышимъ.

Филостратъ.

Государь!
Повѣрьте мнѣ, она васъ недостойна.

Я слышалъ всю піесу до конца:
Пустѣйшая, ничтожнѣйшая пьеса!
Но, можетъ быть, пріятно будетъ вамъ
Намѣреніе цѣной усилій тяжкихъ
Вамъ услужить.

Тезей.

Піесу мы услышимъ.

Я никогда не оттолкну услугъ,
Предложенныхъ и ревностно, и просто.
Поди, зови сюда скорѣй актеровъ,
А дамъ прошу садиться по мѣстамъ.
(Филостратъ уходитъ).

Иполита.

Я не люблю смотрѣть, что слишкомъ дурно,
И видѣть, какъ усердье погибаетъ
Въ усиліяхъ напрасныхъ.

Тезей.

Милый другъ,

Ты этого, повѣрь мнѣ, не увидишь.

Иполита.

Онъ говоритъ, что ничего они
Представить намъ порядочно не могутъ.

Тезей.

Тѣмъ будемъ мы любезнѣе съ тобой,
Благодаря ихъ даже за дурное.
Ошибки ихъ забавой будутъ намъ.
Коль бѣдное стараніе безсильно,
То чистое усердье выкупаетъ
Невольный неуспѣхъ. Случалось часто,
Когда я путешествовалъ, меня
Сановники привѣтствовать хотѣли
Готовыми рѣчами. Иногда
Они блѣднѣтъ и трястись начинали,
Мѣшались среди начатой фразы,
Нѣмѣлъ отъ страха опытный языкъ —
И, наконецъ, они вдругъ умолкали,
Привѣтствіе свое не досказавъ.
Но, милая, повѣришь ли, что въ ихъ
Молчаніи привѣтствіе я видѣлъ,
И въ скромности пугливаго усердья
Я болѣе, повѣрь мнѣ, находилъ,
Чѣмъ въ языкѣ болтливомъ смѣльчака
И въ дерзкомъ краснорѣчьи. Признаюся,

Что, по моимъ понятіямъ, любовь,
При языкѣ простомъ чистосердечья,
Всегда сильнѣе сердцу говорить.

Входитъ Филостратъ.

Филостратъ.

Когда угодно будетъ, государь, —
Прологъ готовъ.

Тезей.

Пускай его войдетъ.

Звуки трубъ. Входитъ Пигва и Прологъ.

Прологъ.

«Коль не удастся намъ піеса, мы желали,
Чтобъ знали вы, что мы не съ тѣмъ пришли сюда,
Чтобъ намъ не удалось; мы вотъ чего искали:
Вамъ предложить свои услуги, господа;
Вотъ нашего конца вѣрнѣйшее начало.
Вамъ угодить вполнѣ, не зная ничего,
Не смѣли думать мы, одно насъ здѣсь собрало —
Васъ позабавить всѣхъ; мы здѣсь не для того,
Чтобъ вы раскаялись, готовы мы стараться,
Изъ представленія жъ легко вамъ увидать,
Въ чемъ будетъ именно піеса заключаться
И что вы будете, конечно, скоро знать!»

Тезей. Ну, этотъ молодецъ не слишкомъ силенъ въ знакахъ препинанія!

Лизандеръ. Чтобы прочесть прологъ, онъ пустилъ свой языкъ какъ бѣшенаго жеребенка, который не знаетъ препятствій. Однако же, тутъ есть нравоученіе, государь: недостаточно говорить, но надо говорить съ толкомъ.

Ипполита. Въ самомъ дѣлѣ, онъ проговорилъ свой прологъ, какъ ребенокъ, играющій на флажолетѣ: звуки есть, но безъ всякой гармоніи.

Тезей. Его рѣчь была похожа на запутанную цѣпь: ни одного кольца не потеряно, но всѣ они въ безпорядкѣ. Что это еще?

Входятъ Пирамъ, Эисби, стѣна, луна и левъ.

Прологъ.

«Что видите вы здѣсь, быть можетъ, васъ дивить,
Достойны зрители! Дивитесь себѣ,
Пока вамъ истина всего не объяснить.
Сія красавица есть госпожа Эисбе,
Сей человекъ, Пирамъ, коль вамъ угодно знать,
А сей, съ известкою, здѣсь стѣну представляетъ,
Ту стѣну страшную, которая страдать
Любовниковъ моихъ въ разлукѣ заставляетъ.
По милости ея, бѣдняжечки съ трудомъ,

Лишь шепотомъ сквозь щель, бесѣдуютъ порою.
 Вотъ этотъ съ фонаремъ, съ собакой и съ кустомъ, —
 Представить лунный свѣтъ. Я вамъ теперь открою,
 Что Оисби и Пирамъ у Ниновой могилы
 Рѣшились сойтись, когда взойдетъ луна,
 Чтобъ высказать — насколько они другъ другу милы.

Но только лишь Оисби пришла туда одна,
 Какъ сей ужасный звѣрь — львомъ Богъ его назвалъ —
 Спугнулъ прекрасную иль просто испугалъ.
 И вотъ, когда она въ испугъ убѣгала,
 Накидочка съ ея лилейныхъ плечъ упала.
 Тогда презрѣнный звѣрь накидочку схватилъ
 И, въ ярости, ее онъ кровью обагрилъ.
 Потомъ пришелъ Пирамъ, прекрасный и высокій,
 Накидочку Оисби погибшей онъ нашель,
 И дерзкимъ остриемъ онъ, въ горести жестокой,
 Кипящу грудь свою, рыдая, прокололъ.
 Тогда опять Оисби на сцену прибѣгаетъ
 И, выхвативъ кинжалъ, себя имъ поражаетъ.
 А остальное все въ подробномъ разговорѣ
 Расскажетъ вамъ сей левъ и свѣтлая луна,
 Чета любовниковъ и страшная стѣна,
 При вашемъ собственномъ и благосклонномъ взорѣ!»
(Прологъ, Пирамъ, Левъ и Луна уходятъ).

Тезей. Ужъ не будетъ ли и левъ говорить?
 Деметрій. Тутъ не будетъ ничего мудренаго. Отчего же не быть одному
 говорящему льву, когда есть такъ много говорящихъ ословъ?

Стѣна.

«Въ сей интермедіи случилось, что я,
 Я — Рыло прозвищемъ, разыгрываю стѣну;
 Но знайте, господа, стѣна такая я,
 Что есть во мнѣ дыра иль щель дырѣ въ замѣну,
 Дабы любовники, Пирамъ нашъ и Оисбе,
 Могли сквозь эту щель благодаря судьбѣ
 Хоть часто, но тайкомъ, шептаться межъ собою.
 А этотъ камешекъ съ известкой распускнуою
 Доказываетъ вамъ, что точно я стѣна.
 Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ? А вотъ и щель видна.
 Немножко въ бокъ она, но сквозь нее, о диво,
 Любовники не разъ шептались боязливо».

Тезей. Можно ли требовать, чтобы известъ и штукатурка говорили
 лучше этого?

Деметрій. Государь, это самая умная стѣна, которую я когда-либо слышалъ говорящею.

Входитъ Пирамъ.

Тезей. Пирамъ приближается къ стѣне. Молчите!

Пирамъ.

«О, ночь ужасная! о, черная, о, ночь!
О, ночь, которая вездѣ, гдѣ нѣту дня!
Увы, увy, увy! О, ночь, о, ночь!
Боюсь я, что Эисби забыла про меня;
А ты, а ты, стѣна, о, милая стѣна!
Между моею и землей ея отца
Стоящая стѣна, о, милая стѣна!
Привѣтна будь, стѣна, Пираму до конца,
И покажи мнѣ щель, дабы я сквозь нее
Могъ увидеть, хоть вскользь, сокровище мое.

(Стѣна поднимаетъ руку съ растопыренными пальцами).

Благодарю тебя, привѣтная стѣна!
Да сохранить тебя Зевесъ отъ поврежденья!
Но что я вижу? О, Эисби мнѣ не видна!
Ты, злобная стѣна, лишаешь наслажденья.
Да будутъ прокляты всѣ камешки твои
За то, что рушила надежды ты мои!

Тезей. Мнѣ кажется, что стѣна, имѣя способность чувствовать, должна бы отвѣчать ему такими же проклятіями.

Пирамъ. Нѣтъ, государь, поистинѣ она не должна этого дѣлать. "Надежды ты мои"! Послѣ этихъ словъ начинается роль Эисби. Теперь она входитъ — и я замѣчаю ее сквозь эту стѣну. Вы увидите, что все будетъ точь-въ-точь, какъ я говорю. Вотъ она приближается.

Входитъ Эисби.

Эисби.

Какъ часто ты, стѣна, слезамъ моимъ внимала
О томъ, что разлученъ со мною мой Пирамъ!
Губами алыми какъ часто цѣловала
Я камешки твои съ известкой по краямъ!

Пирамъ.

О, вижу голосъ я! Я къ щелкѣ приложуся:
Услышу, можетъ быть, Эисби моей черты.
Эисби!

Эисби.

О милый мой! ты — милый, я клянуся!
Я думаю, что такъ?

Пирамъ.

Что хочешь, думай ты;
Любовію твоей я избранъ — и измѣна
Мнѣ неизвѣстна, какъ Лимандру, о, Эисби!

Эисби.

А я тебѣ вѣрна до гроба, какъ Елена!

Пирамъ.

«Вѣрнѣй ли Прокрусъ бывалъ Шафаль, Эисбе?

Эисби.

«Какъ Прокрусъ Шафаль, такъ я вѣрна тебѣ!

543

Пирамъ.

«Поцѣловать меня сквозь стѣну потрудися.

Эисби.

«Я не уста твои цѣлую, а дыру!

Пирамъ.

«Ну, хочешь ли итти со мной на холмъ Ниниса?

Эисби.

«Сейчасъ туда иду, иль пусть скорѣй умру!

(Пирамъ и Эисби уходятъ).

Стѣна.

«Узнайте: я, стѣна, окончила долгъ свой,

«А потому стѣна идетъ теперь домой.

(Стѣна уходитъ).

Тезей. Теперь стѣна, раздѣлявшая двухъ сосѣдей, уничтожена.

Деметрій. Что жъ иначе дѣлать, государь, съ такими стѣнами, которыя такъ дерзки, что слушаютъ, не предостерегая.

Ипполита. Вотъ самый глупый наборъ словъ, который я когда-либо слышала!

Тезей. Лучшія зрѣлища этого рода не болѣе, какъ тѣни, и худшія не будутъ хуже, если имъ поможетъ воображеніе.

Ипполита. Такъ для этого нужно ваше воображеніе, а не ихъ?

Тезей. Если мы не вообразимъ о нихъ ничего хуже того, что они воображаютъ сами о себѣ, то они могутъ показаться отличными актерами. Вотъ идутъ сюда два благородные звѣря: луна и левъ.

Входятъ левъ и луна.

Левъ.

«Сударыни, въ коихъ всѣ чувства столько тонки,

«Что ихъ тревожатъ и ничтожныя мышонки,

Вы, можетъ быть, теперь здѣсь всѣ затрепетали,

«Когда бы точно льва ревъ дикій услышали;

«Но знайте: я не левъ, не львица по натурѣ —
«Нѣтъ, я Буравъ, столяръ и левъ по львиной шкурѣ;
«Но еслибъ я былъ левъ и вдругъ пришелъ сюда,
«Тогда, дѣйствительно, была-бъ вамъ всѣмъ бѣда!»

Тезей. Вотъ премилое и пресовѣстливое животное.

Деметрій. Самое доброе животное, государь, которое я когда-либо видѣлъ.

Лизандеръ. Этотъ левъ — настоящая лисица по своему мужеству.

Тезей. Правда — и настоящій гусь по своему благоразумію.

Деметрій. Не совсѣмъ такъ, государь, такъ какъ его мужество не можетъ побѣдить его благоразумія; а лисица побѣждаетъ гуся.

Тезей. Впрочемъ, я увѣренъ, что и его благоразуміе не можетъ побѣдить его мужества, какъ гусь не можетъ побѣдить лисицу. Но довольно: оставимъ его съ его благоразуміемъ и послушаемъ. Что скажетъ намъ луна?

Луна.

«Двурогую луну фонарь сей представляетъ...»

Деметрій. Ему бы должно имѣть рога на лбу.

Тезей. Да, вѣдь, это не новая луна, и рога исчезли въ полнолуніи.

Луна.

«Двурогую луну фонарь сей представляетъ,
А я тотъ человѣкъ, въ лунѣ что обитаетъ!»

Тезей. Вотъ въ чемъ самая главная ошибка: человѣкъ долженъ былъ влѣзть въ

544

фонарь; иначе, какъ же онъ можетъ представлять человѣка въ лунѣ?

Деметрій. Онъ не осмѣлился влѣзть туда изъ-за свѣчки: видите, какъ она нагорѣла!

Ипполита. Мнѣ наскучила эта луна; я бы желала, чтобъ она вздумала перемѣниться.

Тезей. Судя по слабости разсудка этой луны, кажется, что она въ ущербъ; но учтивость и справедливость требуютъ, чтобы мы дождались, пока она совершитъ свое теченіе.

Лизандеръ. Продолжай, Луна!

Луна. Все, что я имѣю сказать, состоитъ въ томъ, что этотъ фонарь есть луна, а я — человѣкъ въ лунѣ; что этотъ терновый кустъ — мой терновый кустъ, а эта собака — моя собака.

Деметрій. По-настоящему, все это должно быть въ фонарѣ, потому что все это находится въ лунѣ. Но, тише! Вотъ идетъ Эисби.

Входитъ Эисби.

Эисби.

«А, вотъ могила стараго Ниниса!
«Но гдѣ же мой возлюбленный?»

Левъ.

«О-о!!»

(Левъ рычитъ, Эисби убѣгаетъ и роняетъ накидку).

Деметрій. Славно рычишь, левъ!

Тезей. Славно бѣгаешь, Эисби!

Ипполита. Славно свѣтишь, луна! Право, луна свѣтитъ съ необыкновенною ловкостью.

(Левъ разрываетъ накидку и убѣгаетъ).

Тезей. Славно сцапалъ, левъ.

Деметрій. Теперь приходитъ Пирамъ.

Лизандеръ. А левъ, конечно, исчезаетъ.

Входитъ Пирамъ.

Пирамъ.

«Благодарю тебя, о, милая луна,

«За то, что нынче ты блестяща и ясна!

«Когда ты будешь мнѣ отрадно такъ блестять,

«Я милую Эисби надѣюсь лицезрѣть!

«Но, стой! О, видъ ужасный!

«Посмотримъ! О, несчастный!

«Какое зрѣлище ужасно вижу я!

«Глаза мои, смотрите!

«Возможно ли — скажите?

«О, милая Эисби! о, душенька моя!

«Накидочка безцѣнна,

«Здѣсь кровью обогрѣнна.

«Жестоки фурии, приблизьтесь поскорѣй!

«О, Парки, приходите

«И жизнь мою прервите.

«Убейте, задушите,

«Избавьте вы меня отъ тяжелой жизни сей!»

Тезей. Это отчаяніе и смерть милого друга почти могутъ сдѣлать человѣка печальнымъ.

Ипполита. Клянусь моимъ сердцемъ, мнѣ жаль этого человѣка!

Пирамъ.

«Природа, для чего ты львовъ произвела?

«Левъ страшный умертвилъ Эисби мою во цвѣтѣ.

«Она есть лучшая... Нѣтъ, нѣтъ: она была

«Изъ женщинъ лучшая, которая на свѣтѣ

«Когда-нибудь жила, любила и цвѣла!

«Теките, слезы жгучи!

«Вотъ онъ — мой мечъ могучій!

«Тебя я въ грудь вонзаю, —

«И прямо въ лѣвый бокъ,

«Гдѣ сердце — токѣ-токѣ-токѣ.

«Вотъ какъ я умираю!

(Поражаетъ себя мечомъ.)

«Теперь бездыханъ я

«И въ небесахъ витаю!

«Языкѣ — покой узнай!

«Ты жѣ, мѣсяцѣ, улетай!

«Здѣсь кости я свои бросаю

«Ахъ, ахъ! я умираю!

(Пирамъ умираетъ. Луна уходитъ.)

Деметрій. Не кости, а только очко, потому что онъ одинъ.

Лизандеръ. Какое онъ очко? онъ умеръ, слѣдовательно, онъ ничто.

Тезей. Однако, съ помощью медика, онъ можетъ выздоровѣть и сдѣлаться опять осломъ.

Ипполита. Отчего же лунный свѣтъ исчезъ прежде, чѣмъ Эисби возвратилась и отыскала своего любовника?

Тезей. Она отыщетъ его при свѣтѣ звѣздъ. Вотъ она идетъ, и ея отчаяніе окончитъ пьесу.

Входитъ Эисби.

Ипполита. Кажется, что для такого Пирама ея отчаяніе не будетъ продолжительно. Я надѣюсь, что она скоро кончитъ.

Деметрій. Одинъ атомъ могъ бы перевѣсить всѣхъ и рѣшить, кто изъ нихъ лучше Пирамъ или Эисби?

Лизандеръ. Вотъ она уже высмотрѣла его своими прекрасными глазками.

545

Деметрій. И начинаетъ его оплакивать нижеслѣдующимъ образомъ:

Эисби.

«Ты здѣсь уснулъ, мой дорогой!

«Какъ? умеръ ты, голубчикъ,

«Пирамъ, о, встань и говори!

«Но ты молчишь — ты умеръ? Да!

«Уже-ль могила навсегда

«Должна закрыть глаза твои?

«Уста лилейны, алый носъ —

«Исчезло все, все рокъ унесъ!

«Любовники, стонайте!

«Ланиты, буквицы желтѣй,

«У смерти вопрошайте.

«Вы, три сестры, издалека,

«Съ руками цвѣта молока,

«Ко мнѣ скорѣй придите!

«Вы взяли мой предметъ любви —

«Теперь скорѣй въ моей крови

«Вы руки окуните!
«Приди скорѣй, мой вѣрный мечъ,
«И въ грудь вонзись, чтобъ жизнь пресѣчь,
«А ты, языкъ — ни слова.
«Прощайте, всѣ мои друзья!
«Такъ умираю вѣрной я!
«Прощайте — я готова!»

(Поражаетъ себя мечомъ и умираетъ).

Тезей. Луна и левъ оставлены въ живыхъ, чтобы схоронить мертвыхъ.
Деметрій. Да, и стѣна тоже.

Основа. Извините, могу васъ увѣрить, что стѣна, которая раздѣляла ихъ отцовъ, не существуетъ. Не угодно ли вамъ посмотретьъ эпилогъ или послушать бергамаскій танецъ, исполненный двумя изъ нашей компаніи?

Тезей. Прошу васъ, безъ эпилога. Для вашей пьесы совершенно не нужны извиненія. Вамъ нечего извинять: всѣ актеры умерли, слѣдовательно некого и хулить. Если бы тотъ, который сочинилъ эту пьесу, игралъ Пирама и повѣсился бы на подвязкѣ Эисби, то изъ этой пьесы вышла бы превосходная трагедія, но ваша пьеса все-таки хороша и прекрасно исполнена. Теперь покажите намъ свой бергамаскій танецъ, а эпилогъ оставьте.

(Веселый простонародный танецъ).

Тезей.

Двѣнадцать разъ полуночи языкъ
Ужъ прогудѣлъ. Любовники въ постели!
Теперь насталь волшебный часъ духовъ.
Похитимъ мы у утра тѣ часы,
Которые мы подарили ночи.
Нелѣпная піеса превосходно
Ускорила шаги тяжелой ночи.
Теперь, друзья, въ постели! Двѣ недѣли
Мы проведемъ въ различныхъ празднествахъ,
Въ забавахъ и ночныхъ увеселеньяхъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входитъ Пукъ съ метлой.

Пукъ.

Теперь голодный левъ рычить,
И волкъ на мѣсяцъ воетъ;
Усталый пахаръ крѣпко спитъ:

Ночь всѣхъ ихъ успокоить.
Теперь огонь въ печахъ погасъ,
Совы зловѣщей крики
Напоминають смерти часъ
Страдальцу-горемыкѣ.
Теперь настала ужъ пора
Могиламъ разверзаться
И средь церковнаго двора
Покойникамъ являться.
Но эльфамъ весело — и мы,
Гекату окружая,
Скользимъ, какъ сонъ, за духомъ тьмы,
Отъ солнца убѣгая.
Итакъ, пусть мышъ здѣсь не скребеть!
А домъ — не знай потери!
Съ метлою посланъ я впередъ,
Чтобъ вымести соръ за двери!

Входятъ Оберонъ, Титанія и ихъ свита.

Оберонъ.

Вы по дому разбѣгитесь,
И при трепетныхъ огняхъ,
Словно птички на кустахъ!
Пойте пѣснь мою за мною,
И пляшите всѣ толпою!

Титанія.

Ноту въ ноту, слово въ слово,
Эту пѣснь пропойте снова!
Взявшись за руки, пойдёмъ
Осчастливить этотъ домъ!

(Пѣсни и пляска эльфовъ).

Оберонъ.

Разсыпьте, эльфы, до утра
Въ покояхъ полумрачныхъ;
А намъ теперь итти пора
Къ постели новобрачныхъ.
Вселимъ мы разомъ въ три четы

Любовь безъ измѣненья —
И будутъ полны красоты
Всегда ихъ поколѣнья.
Природа, щедрая въ дарахъ,
Дѣтей ихъ не оставитъ:
Отъ пятенъ, трещинъ на губахъ

Она ихъ всѣхъ избавить,
И знакамъ, вѣстникамъ дурнымъ,
Забытымъ при рожденьи,
Потомъ же пагубнымъ инымъ,
Не быть въ ихъ поколѣнни.
Теперь рососою полевой
Покои окропите,
И миръ и счастье въ домъ людской
Навѣки водворите!
О, эльфы, радостной толпой
Умыться торопитесь,
Но утромъ будьте всѣ со мной,
Съ разсвѣтомъ воротитесь.
(Оберонъ, Титанія и ихъ свита уходятъ въ разныя двери).

Пукъ (*къ зрителямъ*).
Когда не угодили вамъ мы, тѣни,
То я прошу — исправится бѣда —
Предположить, что въ мѣрѣ сновидѣній
Вы были здѣсь уснувши, господа;
Что слабое, пустое представленье
Есть легкій сонъ — не болѣе того;
Не будьте же вы строгими въ сужденьи,
Простите насъ — мы просимъ одного.
Исправится мы, право, не забудемъ.
Какъ честный Пукъ, я клясться вамъ готовъ,
Что ежели мы счастливы такъ будемъ,
И избѣжимъ мы брани и свистковъ,
То вы отъ насъ вознагражденья ждите,
Не то лгуномъ вы Пука назовите.
Ночь добрую желаю всѣмъ — одинъ,
А вы меня хлопками наградите,
И — вѣрьте мнѣ — исправится Робинъ!
(*Уходитъ*).

Н. Сатинъ.